

ПОЛКОВНИК
АНДРЕЙ ИЛЬИН

НАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

Андрей Александрович Ильин

Настоящий полковник

Серия «Полковник», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68677117

SelfPub; 2022

Аннотация

Крупный бизнесмен подмял под себя весь город. Город объявил ему войну! Он достал всех! И пуля достала его! Бывший начальник его охраны полковник ГРУ в отставке Зубанов – профессионал, он много знает, он опасен. И поэтому власти города обвиняют его в убийстве своего бывшего хозяина, сажают в тюрьму, избивают до полусмерти. Из рук озверевших ментов его спасает генерал ГРУ Федоров и предлагает ему стать убийцей, чтобы отомстить своим обидчикам. Если откажется – убьют. Выполнит работу – тоже убьют. И он соглашается. Потому что полковник! Потому что полковник ГРУ! Потому что надеется выжить! Потому что профессионал! (Полковник-2, переиздание).

Содержание

ЧАСТЬ I	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	51
Глава 7	62
Глава 8	72
Глава 9	83
Глава 10	92
Глава 11	107
Глава 12	114
Глава 13	121
Глава 14	137
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Андрей Ильин

Настоящий полковник

ЧАСТЬ I

Глава 1

Вначале было тихо.

Затем послышался звук – негромкий, еле слышный, то и дело заглушаемый лесными шорохами и криками. Спустя некоторое время звук окреп, превратившись в ровный, нарастающий, исходящий со всех сторон гул. Словно где-то далеко зазвучали и приблизились тысячи играющих разные мелодии оркестров.

Звук надвигался, нарастал, вдавливая барабанные перепонки в уши, а людей в землю. Звук напоминал рев труб, извещающих о Страшном суде. Но это были не трубы Страшного суда. Это был рев десятков работающих авиационных турбин.

Хотя все-таки это был суд.

Из-за ближайшего леса, рубя и расшвыривая винтами ночь, выскочили вертолеты. Много вертолетов. Очень много

вертолетов. Может быть, даже целый полк. Может быть, два полка.

Вертолеты неслись, приседая над самой землей; словно стая гончих псов, загоняющая зайца. Они шли так низко, что срубали нисходящими воздушными потоками вершины деревьев.

Вертолеты наткнулись на вырубленную в лесном массиве площадку, на стоящих на ней людей и замерли, зависли борт к борту в железном ревущем кольце. Полсотни прожекторов разом резанули темноту, уперлись в землю, в стоящие внизу фигуры. Люди зажмурились, закрыли глаза руками.

– Бросай оружие! – приказал тысячекратно усиленный голос. – Или я прикажу открыть огонь!

– Хрен вам оружие! – зло ответил один из ослепленных, вдавленных ветром в землю бойцов. – Не возьмете!

И, не открывая глаз, вскинул вверх автомат с подствольным гранатометом. Он стрелял наугад. Но он не мог промахнуться, потому что промахнуться было невозможно – вертолеты заслонили своими черными силуэтами все небо. Вертолеты сами стали небом. И потому, стреляя в белый свет как в копеечку, стрелок все равно неизбежно попадал в цель.

«Не стреляй! – попытался закричать полковник Зубанов. – Не надо...»

Но крикнуть не смог. И даже рот открыть не смог. Потому что не успел.

Граната ахнула вверх и вцепилась в борт одной из машин.

И взорвалась невидимой в ослепительном сиянии сотен прожекторов вспышкой.

– Теперь все! – сказал стрелок.

Теперь действительно было все. Теперь должен был последовать единственный возможный в подобных обстоятельствах ответ. Ответ на поражение!

– Ну и черт с вами, – сказал громopodobный, звучащий с неба голос. – Вы сами этого хотели!

И с последним словом произнесенной им фразы от вертолетов к людям потянулись пунктирные линии крупнокалиберных пулеметных трассеров. Сотни тысяч пуль нашли и ударили в не защищенные броней тела.

В том числе ударили в грудь и голову полковника Зубанова, раздирая и расшвыривая по сторонам его плоть. Тупые чушки крупнокалиберных пуль терзали тело, но больно не было... Полковник проснулся.

В ушах продолжали реветь турбины вертолетов, но глаза уже различали стены, видели потолок, люстру, задернутые шторами окна. За окнами кто-то прогревал движок автомобиля.

– Сволочь, – досадливо выругался полковник и встал с дивана.

Каждый раз, когда неизвестный ему водитель прогревал мотор, полковник видел один и тот же сон. Сон с вертолетами, прожекторами и пулями, расстреливающими его тело. Каждый раз... Полковник нашарил в кармане висящего на

спинке стула пиджака сигареты, спички и подошел к окну. На улице было еще темно.

Он зажег сигарету и, глядя на отсвечивающий в стекле огонек, и мимо, и сквозь него на улицу, стал курить. Без удовольствия, вяло думая о вчерашнем дне, сегодняшнем дне, ближайшей неделе и предстоящем месяце... Короче, думая о чем угодно, кроме прошлого.

Когда сигарета догорела, он прикурил от нее новую... Он стоял так до полного света, множа окурки в пепельнице.

В семь часов на кухню вошла женщина. Но не жена. Это женщина не была жена, хотя он жил у нее, спал с нею и кормился приготовленными ею обедами. Но, хотя он жил с нею уже почти год, она была ему никто. Была совершенно чужая.

Женщина, позевывая и зябко кутаясь в халат, подошла к газовой плите.

– Опять полуночничаешь? – спросила она.

– Угу, – невнятно буркнул Зубанов.

– Кофе будешь?

– Угу... – Что угу?

– Буду.

Женщина поставила на огонь кофейник и, все так же позевывая и кутаясь, вышла из кухни.

Через полтора часа Зубанову надо было отправляться на работу. Хотя какая это к бису работа! Насмешка одна. Вот уж не думал полковник Зубанов, что закончит свою карьеру начальником охраны. Фактически сторожем! Думал хо-

тя бы генералом и начальником управления. Чему были все предпосылки. Так нет, вмешалась судьба в виде затонувшей не в его ведомстве десантной шлюпки. И «главного опера» шестого отдела ГРУ генерала Федорова. С которых все началось и все покатилося. Под гору покатилося... – Ты если есть будешь – садись, – предложила непонятно кем ему приходящаяся женщина. Его, выражаясь казенным языком, сожительница.

Полковник в отставке Зубанов сел за стол и стал пить кофе, мазать маслом разрезанную пополам булочку, смотреть на чужую ему, о чем-то оживленно болтающую с ним женщину и привычно думать – ну что же поделать, если все так обернулось? Что ни нормальной работы, ни любимого дела, ни семьи у него не осталось. Вернее, остались там, в прошлой жизни и в далекой Москве. А здесь вот эта кухня и эта женщина. Впрочем, не такая уж плохая женщина. Только чужая женщина... – Я пошла. Не опоздай на работу и не забудь убрать все в холодильник, – сказала его нынешняя сожительница, поцеловала в висок и ушла.

Зубанов допил кофе, убрал в холодильник масло и, вытащив мобильный телефон, набрал номер.

– Я слушаю, – ответил заспанный голос.

– Не я слушаю, а дежурный слушает, – поправил Зубанов.

– Дежурный слушает!

– Машину мне выслали?

– Выслали... Вернее, уже высылаем.

Бардак. Как их ни учи, как ни натаскивай – один черт – бардак. Нормальный гражданский бардак.

Полковник прошел в спальню, надел брюки, рубаху и заплечную кобуру. Привычно проверил, сунул в кобуру оформленный газовым «Макаров», в карман – удостоверение к нему и спустился вниз на крыльцо.

Время было без пяти секунд полдевятого.

Машины не было. Опять не было!

Тут хоть разбейся! Если не приучили людей к порядку, то уже не исправишь. Только если могилой. Или армией. В армии их бы подтянули в один момент. Навесили бы за каждую секунду по наряду – враз бы образумились... Со стороны улицы во двор зарулила служебная «Ауди». Подкатила к крыльцу, осадила на тормозах.

Полковник подошел к водительской дверце и придвинул к стеклу часы. Водитель виновато пожал плечами.

– Сколько время? – громко спросил Зубанов. – Сколько?

– Тридцать две минуты девятого.

– А сколько должно было быть?

– Половина. Или, может быть, у вас часы вперед бегут.

– Мои часы никогда не бегут и никогда не отстают, – сказал Зубанов, усаживаясь на переднее сиденье.

– Так уж никогда? – чуть ехидно спросил водитель.

– Никогда! – обрубил Зубанов. – Если мои часы отстают, я их выбрасываю. Поехали. Водитель тронул с места.

– Ремень застегни, – показал на болтающийся ремень без-

опасности Зубанов.

– Да вы что, Григорий Степанович? Тут же ехать всего ничего. Да и гаишники еще спят. Я пока к вам ехал – ни одного не видел.

– Все равно застегни.

От дома, где жил Зубанов, до работы было восемнадцать минут езды со скоростью восемьдесят километров в час. Плюс две минуты в резерве. Которые его нерадивый водитель уже израсходовал. Итого он должен был появиться на рабочем месте без десяти девять. Все прочие работники – в девять. Десять минут было необходимо, чтобы сосредоточиться перед рабочим днем.

Впрочем, здесь сосредотачиваться было не перед чем. И приходить раньше тоже было незачем. И даже вовремя приходить – незачем. Просто Зубанов следовал раз и навсегда выработанной привычке. Еще на той, которая действительно работа, работе выработанной.

– Приехали, – сказал водитель.

– Подгонишь машину в десять пятнадцать, – напомнил Зубанов, захлопывая дверцу. – Смотри не опаздывай!

– Буду как штык! – с подчеркнутой готовностью отрапортовал водитель. Достал его этот бывший полковник своими нынешними манерами и привычкой сверять жизнь с часами. Не его одного – всех достал.

Зубанов поднялся по ступенькам и ровно без десяти девять открыл дверь.

– Товарищ начальник службы безопасности, – громко доложил вышедший навстречу дежурный. – За время вашего отсутствия никаких происшествий не случилось! – И сделал шаг в сторону.

– И все?

– Все... – А кто докладывал?

– Извиняюсь. Докладывал ночной дежурный Шамаев!

– Вот так-то лучше... И ночных дежурных полковник тоже достал, насаждая в обычном торгово-закупочном акционерном обществе свои солдафонские порядки. Вконец достал!

Зубанов поднялся на второй этаж и прошел в свой кабинет. На столе лежала утренняя почта. Он всегда настаивал, чтобы утренняя почта предоставлялась ему утром, а не днем или вечером, для чего специальный курьер с самого утра бегал в ближайшее почтовое отделение.

Зубанов один за одним раскрыл несколько конвертов.

Почта была типичная – каталоги средств защиты и обеспечения безопасности, которые специализированные магазины рассылали своим потенциальным заказчикам.

В каталогах по большей части было морально изжившее себя старье, которое перекачивалось из одного альбома в другой вот уже целый год. Ни один из этих образцов ни один уважающий себя спец не взял бы даже с приплатой. Но, видно, находятся какие-то дураки, которые клюют на броскую рекламу и ширпотребовский вид предлагаемого товара.

Зубанов бросил каталоги в мусорную корзину и включил монитор, который был подключен к сети видеокамер, установленных по его настоянию по всему зданию. Основной блок мониторов располагался в дежурке, и именно по нему велось отслеживание внутренних помещений и прилегающих территорий. При монтаже Зубанов настоял, чтобы один отвод провели в его кабинет, и теперь имел возможность контролировать ситуацию.

Первые три камеры отслеживали помещение оптового склада на первом этаже. Туда можно было не заглядывать. Там если кто-нибудь и появится, то не раньше десяти часов. То же самое в кассовом зале.

Тем не менее Зубанов все-таки включил первую, вторую, третью и четвертую камеру. Так и есть – пустота.

Такое позднее пробуждение торговли, конечно, было странно, если исходить из пословицы: «Кто раньше встает, тому бог подает». Но это было именно так. И что интересно, несмотря на позднее вставание – бог все равно подавал. И подавал щедро. Если судить по образу жизни хозяев этого головного плюс нескольких других офисов и нескольких десятков складов и магазинов.

Ну да это дело не его, Зубанова, ума. Его – охранять накопленные ими богатства. Соваться в чужие дела его отучили еще на прежней работе. Пусть даже это дела соседа по кабинету. Каждый должен отвечать за свой участок. Что позволяет персонифицировать ответственность. А если каждый

знает про каждого и каждому советует – то это непрофессионализм и бардак.

Седьмая камера, отслеживающая вестибюль. Тихо. Только о чем-то треплются охранники. Поди, о нем, о полковнике, треплются. Точат зубы о непосредственного начальника от нечего делать.

Зубанов вытащил и включил переносную радиостанцию.

– Вход, – сказал он, – ответьте Верхнему.

Три фигурки на экране монитора вздрогнули, метнули взгляды в потолок и разбежались в стороны.

Ну точно начальству кости шаркали своими погаными языками.

– Как слышите меня?

– Слышу, – ответил запыхавшийся голос. – Вас слышу.

– Вы там что, спите, что ли?

– Почему спим?

– Потому! Проверьте там, возле крыльца.

– Что проверить?

– Окурки проверить. Там целая куча окурков валяется. А вы в ус не дуετε.

– Но... Но мы не уборщики. Мы охранники.

– Вы в первую очередь люди, а не свиньи! Впрочем, и охранники тоже. И как охранники должны были видеть, кто это сделал. И должны были заставить его убрать за собой. На то вам телекамеры даны. А вы, видно, спали... А ну, взяли швабру, совок и ведро и убрали следы своего служебного

несоответствия... Как слышите меня?

– Слышу... – Тогда пошевеливайтесь. С минуты на минуту хозяева приедут. А вы клювами щелкаете.

Зубанов переключился на десятую камеру. Из входной двери вышли, как ошпаренные, два охранника. С веником и совком в руках. Они подошли к брошенным окуркам и замели их.

И почти сразу же к крыльцу подъехали два «Мерседеса». Хозяйские «Мерседесы».

Полковник выключил монитор и спустился вниз. Он как раз должен был успеть к тому моменту, когда приехавшие поднимутся на второй этаж. Все расстояния и необходимое для их преодоления время были вымерены с точностью до секунд.

На этаж зашли братья Заикины, владельцы всех этих зданий, хранящегося в них добра и охраняющего их Зубанова.

Вначале появились их гладкие физиономии, потом мощные плечи, галстуки в горошек и добротные, купленные в Лондоне пальто.

– Здорово, охрана, – приветствовали они Зубанова. – Ну что? В наше отсутствие никаких происшествий не случилось?

– Так точно! – отрапортовал полковник. – Я вам нужен?

– Нет.

Братья прошли к себе и плотно прикрыли дверь. Зубанов прошел к себе в кабинет, сделал несколько необходимых за-

писей и спустился вниз. Было ровно пятнадцать минут одиннадцатого. Машина стояла у крыльца.

– В спортзал, – приказал он.

– Будет сделано, – ответил водитель.

Глава 2

– Каждый день много, – сказал один из охранников. – Я даже когда на мастера сдавал, каждый день не тренировался.

– Ну это ты врешь.

– Гадом буду, не тренировался. Я как раз в то время чувиху одну закадрил. Такая чувиха!.. Я ее каждый день долбал раз по десять.

– Опять врешь. Чтобы и нормативы мастера, и десять раз... – Ну, может, пять. Я не считал. Не до того было... Днем тренировки с железом, ночью... Но все равно так, как-здесь, не пахал. Вполовину пахал, если и день и ночь посчитать.

– Это все Зуб, – вступил третий охранник. – Он всех нас загонит. Откуда его только нашли... – Оттуда! Откуда еще?

– Сейчас приедет, опять начнет мозги парить. Чтоб ему... К крыльцу подъехала машина, и в спортзал вошел Зубанов.

– Постройте личный состав.

– Стройся.

– Здравия желаю! – приветствовал Зубанов выстроившуюся в две шеренги и на сегодня свободную от несения службы охрану.

– Здравсьте-е, – нестройно поздоровались охранники и телохранители.

– Не понял? – удивился Зубанов.

– Здра-в-те! – исправился личный состав.

– Значит, так. Начнем с главного. С подведения итогов. Прошлыми вашими, которые я наблюдал три дня назад, успехами я недоволен. Это не работа. Это изображение работы. Это демонстрация телодвижений, рассчитанных на впечатлительную гражданскую публику. С сегодняшнего дня работаем полный контакт...

* * *

Охранники сдержанно охнули.

– Или вы думаете, что преступники тоже будут изображать удары, а не бить? Если вы так думаете, то вы ошибаетесь. На тренировках работать будем в перчатках, на спаррингах – без. Вопросы есть?

– А если кто-нибудь нос сломает или еще чего? – спросили из рядов.

– На случай носа есть медицинская страховка, которую за вас оплачивают ваши хозяева. А «еще чего» прикрывать лучше надо. Кого более жесткие формы обучения не устраивают – могут подавать заявление об уходе. Больше вопросов нет? Тогда телохранители – ко мне, всем остальным – разойтись.

Шеренги рассыпались, обсуждая услышанное.

– Так можно калекой остаться... – Не можно, а останешься... – Звереет Зуб. Чем дальше, тем больше... Телохранители из распавшихся шеренг собрались вновь.

– К вам у меня тоже имеются персональные претензии и предложения. Но о них мы поговорим не здесь, – сказал Зубанов. – Кру-гом. И шагом марш в тир.

Телохранители развернулись и пошли в тир.

– Отставить! Я сказал, не побрели толпой, а пошли. По-человечески пошли!

Телохранители выстроились в две колонны и разом, с левой ноги пошли в тир. Который, судя по всему, не обещал им ничего хорошего.

В тире Зубанов опять начал с обычного для него подведения итогов.

– Хочу вам сразу сказать, что я вами недоволен, – заявил он. – Вы не телохранители. Вы мешки дерьма с пистолетами. Вы не способны защитить вверенное вам тело. Знаете, почему не способны?

Телохранители замотали головами.

– А ну, скажите, какова главная задача телохранителя, обеспечивающего защиту «объекта»? Ну вот ты скажи, командир.

– Обезвредить нападающего противника, – доложил командир телохранителей, отвечавший за дисциплину среди вверенного ему личного состава.

– Все остальные так же считают? Телохранители согласно закивали.

– Не правильно считаете. Телохранитель не должен обезвреживать противника. Телохранитель должен защищать порученное ему тело. Любым способом защищать. В том числе своим телом защищать!

Если он будет обезвреживать нападающих или, того хуже, преследовать их, он оставит без прикрытия «объект». А это его самая главная из всех прочих задача! Он тело-хранитель, а не преследователь.

Пока вы не научитесь прикрывать «объект» собой, вы будете кем угодно, но не телохранителями. А вы вместо того, чтобы встать на предполагаемую траекторию полета пули, шарахаетесь от ствола как черт от ладана. Вы боитесь попасть под выстрел!

Так вот, чтобы вы не боялись попасть под выстрел, а, наоборот, научились просчитывать и перекрывать траекторию угрозы, я предлагаю использовать в упражнении резиновые пули.

Условному противнику использовать.

Телохранители злобно взглянули на своего начальника.

– Попрошу проверить ваше оружие! Телохранители вытащили пистолеты.

– Обоймы разрядить! – приказал Зубанов. Телохранители выщелкнули из обойм патроны.

– Стволы проверьте. Телохранители проверили стволы.

– Теперь зарядите пистолеты вот этими патронами, – достал Зубанов две пачки патронов с резиновыми пулями, которые лично вставил на место свинцовых. – Будем работать в условиях, максимально приближенных к боевым, – объявил он. – На огневой рубеж!

– А это... это больно? – спросил кто-то из толпы.

– Чувствительно. При неудачном раскладе может ребро сломать. Убить – нет. Резина достаточно мягкая. Кроме того, я уменьшил количество пороха.

– А если в глаз?

– Глаза прикроем вот этим, – показал полковник целую кучу похожих на мотоциклетные очков. – Еще вопросы есть?

Телохранители, ругаясь про себя матом, защелкивая в обоймы резиновые патроны и разбирая очки, двинулись к проходу в стойках.

– Отрабатываем упражнение номер двенадцать. Атака с двух сторон, двумя стволами.

Ты и ты – атакующая сторона. Ты – «объект» охраны. Вы – телохранители. Через двадцать минут смена ролей. Главная задача – защита от выстрелов.

Начало по моей команде. Приготовиться!

Телохранители разошлись по местам. Двое, которые должны были играть нападающих, гораздо дальше остальных. Зубанов вытащил секундомер и прижал большой палец к пусковой кнопке.

– Эй! – крикнул он. – Не мухлевать. Пиджаки застегнуть и

убрать руки подальше от левого бока. Все должно быть так, как на самом деле. Готовы?

– Готовы.

– Тогда – начали!

Секундная стрелка запрыгала по циферблату.

Нападающая сторона, разбежавшись в стороны, выхватила пистолеты и стала сближаться с «объектом». Заметившие опасность телохранители сомкнулись, один схватил защищаемый «объект» за голову и сильно пригнул его к полу. Другие, отступая назад, ошетинились оружием. Правда, ошетинились недостаточно быстро и перекрыли не все направления угрозы. Чем нападающая сторона и воспользовалась.

Один из стрелков метнулся в сторону, успел до встречных выстрелов выцедить незащищенный бок «объекта» и успел нажать на спусковой крючок. Грохнули три подряд выстрела.

– Ой!

– Ай!

– Е-е, твое!.. – одновременно вскричали телохранители и, схватившись за отшибленные резиновыми пулями места, рассыпались в стороны.

– Сомкнуться! – что есть мочи заорал полковник. – Сомкнуться, мать вашу!

Но телохранители его не слушали, испуганно шараясь от вновь направляемых в их сторону пистолетов, заряженных резиновыми пулями. «Объект» стоял, что называется,

голый.

– Раз так, добивайте охрану, – распорядился Зубанов.

Телохранители, игравшие злодеев, подняли пистолеты и отстреляли последние патроны.

– Гад!

– У-У-у!

– Ты что делаешь, сволочь!

– Ты знаешь, куда попал?..

– Упражнение закончить! – распорядился Зубанов. – Строиться!

"Убитые» в схватке телохранители, скуля, подстанывая и прикрывая «раны», занимали свои места в шеренге. Кое-кто размазывал по лицу кровь.

– Плохо! – подвел итог виденному полковник. – Просто никуда не годно! Вы бросили «объект» после первых выстрелов! Вы спасали свои шкуры, вместо того чтобы выполнять свой долг!

– Так ведь больно! – возмутился кто-то.

– Кто сказал «больно»? Шаг из строя!

Вышел здоровый, под два метра, мастер спорта.

– Тебе больно?

– Ну мне больно.

– А человеку, которого ты бросил и которому предназначались все выстрелы, не больно было бы?

– Откуда я знаю?

– Ах, не знаешь? В таком случае – слушать мою команду!..

Телохранители в строю подобрались.

– Повторяем отработку упражнения номер двенадцать. Задача – поражение «объекта». Ты, ты и ты нападаете. Вы двое защищаете. Ты, – повернулся Зубов к недовольному жестоким обращением мастеру спорта, – «объект».

Задача ясна?

– Но-о... – Теперь ты будешь иметь возможность узнать, как чувствует себя брошенный охраной «объект», и лучше поймешь обязанности телохранителя.

Приготовиться к выполнению упражнения...

Глава 3

Братья Заикины, запершись в своем офисе, решали очередную торгово-закупочную задачку на тему проплаченного товара, кредитов, капающих по ним процентов и задерживающегося по неизвестной причине транспорта.

– Ты на станцию отправления звонил? – спрашивал один.

– Десять раз звонил. Говорят, отправили.

– Номера вагонов называл?

– Называл.

– Ну и что?

– Ничего. Со станции отправления вагоны убыли. На станцию назначения не прибыли.

– Может, они где по дороге застряли?

– Может, и застряли. Нам-то что? Ты чего горячку порешь? Днем раньше, днем позже... – Не можем позже! На полдня не можем!

– Почему?

– Завтра на оптовые базы скинут тот же самый товар. Один к одному товар! Чувешь, чем это пахнет?

– Чую.

– Завтра они скинут его на базы, послезавтра он разойдется по магазинам и рынкам. А через два дня придут наши вагоны. Которые уже никому не будут нужны.

– А проценты капают... – Точно. Проценты капают. А через неделю будут капать втрое.

– Вот гниды!

– И я про то же. А ты – «днем раньше, днем позже»... – Кто товар будет скидывать?

– Рябой и Старый.

– Кто сказал?

– Хорошие люди. За хорошие бабки.

– Мы же с ними договаривались, что это наш товар.

– Значит, плохо договаривались.

– Но мы им за это две трети «Филипса» отдали!

– Значит, мало отдали.

– Вот же падлы!

– Падлы, не падлы, а сделали нас красиво. Через неделю кредитор деньги потребует, а они у нас в пустом товаре.

– Сумма немаленькая.

– И кредитор серьезный. Не банк какой-нибудь. Этот церемониться не будет.

– Сколько ему надо отдать?

– С процентами – почти полтора «лимона». «Зеленого».

– Таких живых денег мы не найдем.

– Мы и трети таких денег не найдем.

– Что делать будем?

– Откуда я знаю? Можно попытаться договориться.

– С кем договориться? С Рябым? Не смейся.

– Ас кредитором? Может, он отнесет долг. Месяца на пол-

тора. Пока товар рассосется.

– Не будет он ждать. Уговор был – две недели. Потом за каждую просроченную неделю втрое. А нам не то что проценты, самой суммы не взять.

– Похоже, пора потрошить кубышки.

– Кубышки долга не закроют. Тем более что многие не здесь. Пока их оттуда добудешь, время пройдет. А время для нас теперь деньги. Причем такие деньги... – Так что же делать?

– Магазины надо загонять. «Центральный» и «Аэлиту» тоже.

– Да ты что?! Мы же их с таким трудом... – Другого выхода нет! Магазины дело наживное. А если мы долг не отдадим, нас на перья поставят. На хрена нам тогда все эти магазины? Надо отдавать! Жизнь дороже.

– Кому отдавать? Такие деньги не у каждого быстро найдутся.

– Толстому отдавать. Он давно на них виды имеет.

– У него нет таких денег.

– Найдет. Ради магазинов найдет. Больше все равно никому. Других покупателей еще искать надо. А этот уже есть.

– Ну Толстому так Толстому.

– На том и порешили.

– Не дрефь, братуха! Нам только сейчас выкрутиться. А потом мы вчетверо свое возьмем... Ну что? Я звоню?

– Звони!

Первый брат набрал на мобильном номер.

Гудки.

Гудки... И недовольный голос. Голос Толстого.

– Здорово, Толстячок. Узнаешь?

– Допустим.

– Ты как-то говорил, что не прочь наши магазины прикупить по сходной цене.

– Ну?

– Так вот у тебя появился шанс.

– Что отдаете?

– Отдаем «Центральный» и «Аэлиту».

– Сколько?

– Полтора недозрелых «лимона». Наличными. Без торговли и деньги сразу.

– Можно подумать?

– Нельзя. У нас на раздумья времени нет.

– Сумма окончательная?

– Я же сказал – без торговли. Меньше нам ни к чему.

– У меня нет таких денег.

– Тогда до свидания.

– Хорошо. Я согласен.

– Когда деньги?

– Когда скажете.

– Скажем сейчас.

– Сейчас невозможно.

– А когда можно?

- Послезавтра.
- Ладно, мы согласны. Встретимся у нас в офисе.
- Э, нет. Не пойдет. В вашем офисе не пойдет. Приезжайте лучше вы ко мне.
- У тебя – мы не согласны.
- Что будем делать?
- Предлагаем нейтральный вариант.
- Где?
- Сосновый бор. Со стороны кладбища. Согласен?
- Идет.
- Послезавтра в пять вечера...

* * *

На одной небольшой, затерянной в просторах российского Нечерноземья станции стояли вагоны. Десять штук. В тупике стояли. Уже больше недели.

– Когда тупик освобождать будем? – спрашивал по телефону разрешения станционный диспетчер у начальника грузовой станции. – У меня места для отстоя не хватает. Я седьмой и девятый перегружаю. Из-за этих чертовых вагонов. Когда, спрашиваю, вагоны выводить будем?

– Пусть постоят, – отвечал начальник станции. – Они никому не мешают.

– Мешают. Они движению мешают.

– Ладно, не кипятись. Завтра, если все нормально будет, отправим. В крайнем случае послезавтра... Ты лучше скажи, что там у тебя по третьему пути?

– Нормально по третьему. Пропустил два состава... Вагоны стояли в тупике не просто так. И не за просто так. Эти вагоны попросили начальника станции отцепить и загнать в тупик два молодых шустрых парня, соскочивших с остановившегося на минуту скорого поезда.

Они сказали номера вагонов, оставили на столе пухлый конверт и заскочили в следующий пассажирский.

В конверте было десять тысяч долларов. По тысяче за каждый вагон. За каждый стоящий вагон...

Глава 4

Полковник Зубанов стоял на ковре; Вернее сказать, на добротном ковровом покрытии. Причем даже не на генеральском. И даже не на хозяйском. А какого-то заместителя по кадрам, каких-то братьев Заикиных. Перед сугубо гражданской крысой стоял.

– Вот. И вот. И вот еще, – сказал заместитель по кадрам, перебирая листы, исписанные разными почерками. – Это все от ваших подопечных. Все подали заявление об уходе. И все как один жалуются на грубое с вашей стороны отношение. Я с ними побеседовал. С каждым.

– В нашем деле иначе быть не может. Наше дело военное.

– Но сейчас не война.

– У охранников всегда война. И поэтому они всегда должны действовать в условиях, приближенных к боевым.

– Но, возможно, вы перегибаете палку.

– Я ничего не перегибаю. Я воспитываю готовых к отражению агрессии бойцов. Учю так, как учили меня. Вернее, гораздо мягче учю. Понарошку.

– Понарошку? Но они рассказывают, что вы заставляете их драться в полную силу! Что придумали какие-то резиновые патроны.

– Не патроны, а пули. Резиновые имитационные пули.

– Зачем резиновые?

– Чтобы больно было. Чтобы они научились по-настоящему уворачиваться от выстрелов. И по-настоящему принимать их на себя. Боец не должен бояться боли!

– Но это жестоко!

– Маршал Жуков, когда был министром обороны, во время учений в каждый автомат каждый десятый патрон вкладывал боевой. Чтобы солдаты натуральной пригибались!

– Но это бессмысленно!

– Отнюдь. Он воспитывал привычку к посвисту пуль. Он приучал личный состав к настоящей войне.

– Вы тоже приучаете?

– Я тоже приучаю.

– Боюсь, вам скоро будет некого приучать. Я принял шесть заявлений об уходе.

– Слабые должны уйти. Останутся те, кто способен будет выполнять поставленные боевые задачи.

– А если никто не останется?

– Такого не может быть.

– Извините, но я буду ставить перед вышестоящим руководством вопрос о вашем увольнении. Мы не можем позволить себе такую текучку кадров из-за одного человека.

– Перед кем ставить? – переспросил Зубов.

– Перед вышестоящим руководством.

– Это перед братьями, что ли? Так они вас с вашим вопросом пошлют куда подальше. Потому что больше мое-

го заинтересованы в боеспособных кадрах. В бойцах! А не в графоманах, которые пишут вам заявления. Это им, а не вам, если не дай бог что, под пули подставляться. Что я им и постараюсь еще раз втолковать.

— А что же мне прикажете делать с этими заявлениями?

— Подписать. И пусть они катятся к... В сторожа в детские сады пусть идут. Так им и передайте... Достали Зубанова эти гражданские недоумки, которые ничего, кроме пишущих машинок и калькуляторов, не понимают. Не понимают, но в чужое дело тем не менее лезут.

Крысы!

Полковник прошел к себе в кабинет, заперся и стал пролистывать телекамеры. Не для того, чтобы отсмотреть территорию, — чтобы успокоиться.

На пятнадцатой камере он увидел братьев Заикиных, направляющихся в сторону его кабинета.

Капнул уже! Засранец!

Братья открыли дверь и вошли внутрь.

— Играй тревогу, полковник. Труба зовет.

— Что-то случилось?

— Случилось. Вернее, случится через день. Послезавтра. Готовься, полковник. Пришло время доказывать, что ты и твои кадры не зря жевали наш хлеб.

Зубанов заранее съездил на место встречи. Вернее, сходил. Пешком сходил, чтобы не привлекать ничьего внимания. Собираясь проводить операцию, в первую очередь следует провести рекогносцировку местности, чтобы знать, где удобней наступать и куда безопасней отступать. Это любой курсант общевойскового пехотного училища знает. И Безопасность знает. На их жаргоне это называется «отсмотреть углы».

Полковник под видом зеваки бродил по сосновому бору и прилегающему к нему кладбищу, отмечал и запоминал все подъезды, тропинки, неровности рельефа.

Место было плохое и одновременно хорошее. Хорошее, если нападать, и плохое, если отбиваться. За каждой сосной мог укрыться стрелок, в каждой кроне засесть снайпер.

Их стрелок. И их снайпер.

С другой стороны, это место назначили не они, а братья. А те согласились. Отсюда можно надеяться, что второго дна в этом соглашении нет.

Да и не похоже, чтобы кто-нибудь здесь до него бывал и готовился к возможному предстоящему бою. Трава на возвышенностях, где удобно было бы залечь, не примята. Кора на стволах сосен не потревожена. Не видно характерных ца-

рапин, которые оставляют «кошки», с помощью которых на деревья взбираются снайперы, чтобы заранее обустроить и замаскировать свое логово.

На первый взгляд все чисто. Впрочем, надо будет сюда заглянуть еще раз. И потом, перед самой встречей. Еще бы лучше было оставить здесь постоянных наблюдателей, но его балбесы даже такого дела не осият. Обязательно засветятся или в какую-нибудь историю вляпаются.

Ладно, поживем – посмотрим.

Зубанов еще раз прошел через бор, углубился в город и нашел ожидавшую его машину – Нашли что-нибудь? – спросил водитель – Ага. Грибы, – ответил Зубанов – Шутите? Сейчас не сезон.

– Ладно, поехали.

– Куда?

– Домой поехали. Грибы жарить... Дома полковник развернул на столе лист ватмана и по памяти нарисовал план местности в месте предполагаемой встречи Здесь сосны, тут ложбинка, постепенно превращающаяся в овраг, дорога, еще одна дорога, две тропинки, возвышенности... На плане местности, в местах потенциальной опасности, Зубанов нарисовал крестики. Возле этой и этой группы сосен, удобных для снайпера. На овражке, по которому легко подобраться к самому месту встречи. На возвышенностях, с которых открывается прекрасный обзор. На ближних могилах, за которыми можно укрыть хоть полный пулеметный расчет... Кре-

стиков получилось много. Чтобы перекрыть каждый, надо было поднимать весь личный состав. И еще мобилизовывать бухгалтеров и менеджеров.

Нет, прямой страховкой здесь ничего не добиться. Разве только клиента спугнуть.

Скорее надо организовать мобильные группы. Несколько подвижных, хорошо вооруженных групп, которые могли бы мгновенно перекрыть наиболее опасные направления. Одну поставить здесь, другую здесь. Тогда, если им рассыпаться, они блокируют этих и этих снайперов и противника, укрывшегося в овражке... Если, конечно, снайперы и противник будут.

Впрочем, даже если их не будет, это ровным счетом ничего не меняет. Исходить надо из худшего – из того, что они будут. И даже из самого худшего, что их будет много, а в кустах будет спрятано 150-миллиметровое орудие, заряженное осколочным снарядом. Только так можно подготовиться к возможным неожиданностям и не попасть впросак.

Вечером Зубанов собрал личный состав в спортзале и провел репетицию возможного боя. Вернее, десять репетиций по десяти сценариям наиболее возможных боев.

– Ты, ты и ты. Выходите вот в эту точку. Не более чем за пять секунд выходите. Ты и ты, прикрываете их в этом направлении. Вы – блокируете овраг.

– Где здесь овраг?

– Вон он, овраг. Сколько можно повторять? – возмутил-

ся полковник. – Вон овраг, нарисован на полу мелом. Там, где баскетбольная корзина, одна сосна, где окна – другая... Уяснили наконец?

– Вроде да.

Зал был расчерчен десятками меловых линий, каждая из которых что-то обозначала – овраг, кусты, яму, камень или пень. Зал был разрисован в точных масштабах места встречи. Кроме удаленных, которые не вписывались в его размеры объектов.

Полковнику было очень важно просчитать траектории передвижения личного состава по местности, рассчитать время, которое на это потребуется. Было важно заранее приучить их к возможным действиям. На мышечном уровне приучить. Потому что когда зазвучат выстрелы – думать будет поздно. Надо будет действовать. Быстро и уверенно. По заранее известной схеме.

В импровиз полковник не верил. Даже раньше, когда имел в своем распоряжении бойцов, а не этот охранный сброд.

– Начали.

Охранники и телохранители сорвались с места и бросились к заранее указанным им местам. Там выставили вперед оружие и щелкнули курками.

– Две секунды опоздания – вы. Три – вы. А вы вообще про все забыли. Вы должны были держать вон те сосны. А вы уперлись стволами в стену.

А ну, давайте по новой!

– Чудит полковник: Похоже, свихнулся на старости лет, – тихо возмущались охранники, расходясь по местам.

– Приготовились. Пошли!

Снова бег, мгновенное замирание и стрельба по воображаемому противнику.

– Уже лучше. Но все равно медленно. Очень медленно! Если там будут настоящие бойцы, они перещелкают вас, как мишени в тире.

– Да не будет там бойцов. Откуда им там взяться? – успокаивали измаявшиеся охранники полковника. – У него там сброд один. Хуже нас.

– Разговорчики! Приготовиться!.. Начали!..

– Три секунды опоздания. Повторить... Повторить... Повторить... Повторить...

Глава 5

Место для встречи было выбрано малосимпатичное – рядом с кладбищем. Невеселое, скажем прямо, место. Хотя и сосновый бор.

Но Толстый особо по этому поводу не беспокоился. Он не верил, что братья способны на какую-нибудь каверзу. Братья сдулись. На этой последней сделке сдулись, вбабахав в нее всю взятую в кредит наличность. Теперь их можно было брать практически голыми руками. Братья превратились в банкротов, распродающих недвижимость. Которые могут только лаять, но по-настоящему кусать уже вряд ли.

Давно он положил глаз на эти магазинчики, которые теперь они поднесут ему на блюдечке. Хорошие магазинчики. Особенно если ими умело распорядиться. Не так, как Заикины. «Аэлиту» можно будет переоборудовать под казино или ночной клуб. Слишком удачно она расположена, чтобы быть просто магазином. «Центральный» оставить как есть. Он и так, без переделки, неплохой доход обещает. А если потом, когда они совсем разорятся, прикупить их офис... Братья Заикины тоже вели свои подсчеты. Но они были не похожи на подсчеты Толстого. Диаметрально не похожи.

Главное – урвать с Толстяка его полтора «лимона». Главное – выкрутиться сейчас. А там, глядишь, отданные мага-

зины можно будет вернуть обратно. Если не перекупить, так взять силой. Толстый, конечно, богатый, но на драку хлипкий. Если как следует надавить, то он расколется как гнилой орех. Нет, не проглотить ему тех магазинов. Кишка тонка! Слишком много в них вложили братья, чтобы отдавать их насовсем! На время – ладно, насовсем – на-ка, выкуси!

Толстый не кредитор, за которым стоит сила, помноженная на жестокость. Кредитор из другой, чем братья, весовой категории. Из более тяжелой весовой категории. Если сейчас с ним расплатиться, он успокоится. А потом можно будет взяться за Толстого. И вернуть магазины обратно. А повезет, так и ущипнуть кусочек от пирога Толстого...

* * *

На встречу никто не опоздал. На встречи ценой полтора миллиона долларов не опаздывают. На встречи ценой в полтора миллиона долларов приезжают даже чуть раньше. Чтобы осмотреться по сторонам.

– Вроде все чисто, – доложили Зубанову «прохожие», которым он приказал пройти через лес.

– Вроде или чисто?

– Мы ничего подозрительного не заметили. Ни людей, ни машин. Трава не примята. На соснах никого нет.

– Ладно. Идите.

Зубанов вытащил радиотелефон и передал условленную фразу.

– Вход свободен. Как слышите меня?

– Слышим. Вход свободный.

Через двадцать минут прибыли «Мерседесы» и два джипа братьев. С другой стороны точно такие же «Мерседесы» и джипы Толстого. Ломая кусты и сминая траву, машины въехали в бор. Первыми, утаптывая и прокладывая дорогу, – джипы. Следом по проложенной колее «Мерседесы».

Машины разъехались на поляне в разные стороны и встали друг против друга.

Охрана осталась в джипах. Хозяева вышли на поляну.

– Здорово! – приветствовали покупателя братья.

– Привет.

– Деньги привез?

– Деньги в машине. Но вначале я хотел бы посмотреть документы.

– Документы в порядке. Нотариус с печатью здесь, – кивнули братья на стоящего возле «Мерседесов» старичка.

– Я имею право сомневаться.

– Так же, как мы насчет денег.

– Можете проверить, – показал Толстый на машину.

Один из братьев отошел в сторону «Мерседеса» Толстого. И открыл дверцу. На заднем сиденье пустой машины лежал большой пластиковый «дипломат».

– Смотри, смотри. Можешь даже пересчитать. Заикин открыл «дипломат», вытащил две пачки долларов – одну сверху, другую со дна. И вытащил из пачки банкноты.

– Ну что, в порядке?

– В порядке.

– Тогда документы.

Братья положили на протянутую ладонь заранее подготовленную купчую.

– Надеюсь, я тоже могу посмотреть? – спросил Толстый.

– Нет проблем.

От второго «Мерседеса» Толстого подошел его личный юрист. Он взял документ и, никуда не отходя, внимательно изучил его.

– Все в порядке. Не хватает только печати.

– Печать будет, – подтолкнул один из братьев в спину нотариуса. – Когда будут деньги. Нотариус занес над договором печать.

– Я могу быть уверенным в нотариусе? – на всякий случай спросил Толстый.

– Можете проверить. Нотариальная контора номер семнадцать. Нотариус Кузнецов.

Покажи им паспорт и свидетельство. Нотариус показал паспорт и свидетельство.

– Ну что?

– Я готов.

Нотариус шлепнул на договор печатку.

– Можете забирать деньги, – предложил Толстый. – Они ваши.

Один из братьев вытащил из «Мерседеса» «дипломат» с долларами и бросил его в свою машину.

– Минуточку, – протянул руку к «дипломату» Зубанов.

– Что такое?

– Надо проверить.

– Я проверял. Нормальные доллары.

– Все-таки лучше проверить.

– Да брось ты. Он не станет. Он понимает, что, если что, мы ему глотку перегрызем.

– И тем не менее... Зубанов вытащил прибор для проверки банкнот. Серьезный прибор. Не такой, как продают в магазинах.

Он включил подсветку и сунул в прорезь первый доллар. Доллар был фальшивый!

* * *

– Он левый! – тихо сказал полковник.

– Ты что?! – даже с какой-то угрозой просипели братья. – Проверяй еще!

Зубанов выдернул еще одну банкноту.

– В порядке.

Еще один.

– Норма. Еще.

– фальшивый. Еще.

– Тоже фальшивый. Я так предполагаю, что от трети до половины долларов фальшивые. Кинул он вас, ребята.

– Точно. Кинул!

Машины Толстого выруливали с поляны.

– Стой! – дико заорали братья, выскакивая им наперерез. – Стой, козел!

– Назад! – закричал Зубанов, пытаясь их остановить, чтобы убрать с линии возможной перестрелки. Но было поздно.

"Мерседесы» остановились. И джипы остановились. Из джипов высыпала охрана Толстого, держа на изготовку автоматы.

– Что такое? – очень спокойно спросил из машины Толстый, слегка приспустив вниз стекло. – Что вы еще хотели меня спросить?

– Там... Там... Фальшивые доллары!

– Не все, – успокоил Толстый. – Только половина. Мы же цивилизованные бизнесмены.

– Как половина?! Где остальные, ублюдок?

– На сегодняшний день ваши магазины не стоят полтора миллиона долларов. Им красная цена семьсот пятьдесят. А я для ровного счета дал восемьсот. Больше в этом городе никто бы не дал. Так что вы в выигрыше.

– Ублюдок! Гнида! – хором заорали братья, бросаясь на

машину.

Но Толстый закрыл бронированное стекло и стал недосыгаем.

– Убью!

Дело было проиграно. Главарь противника укрылся в «Мерседесе», братья стояли на виду у всех. На виду автоматчиков Толстого.

– Без глупостей, – предупредил командир автоматчиков. – Если что – мы будем стрелять. – И многозначительно повел стволом автомата в сторону братьев.

"Мерседес» тронулся с места.

– Сделай что-нибудь! – повернулись братья к Зубанову.

– Будет кровь, – предупредил полковник.

– Плевать. Нам без денег все равно не жить!

– А ну-ка лицом на землю! – скомандовали заподозрившие неладное автоматчики.

Подобный оборот дела, кроме, конечно, вылезших под самые стволы братьев, полковник предусматривал.

Кроме, конечно, братьев... – Мы хотим кончить все миром! – громко крикнул условленную фразу Зубанов. Которая обозначала строго определенное и отрепетированное действие. Сейчас его бойцы должны были разобрать цели и по команде командира рассыпаться по сторонам, одновременно открыв ураганную стрельбу на поражение. Только так они могли спасти «объект» и себя. Через мгновение должен был начаться отрепетированный в зале бой.

Кроме братьев, отрепетированный. Которых надлежало теперь спасти Зубанову и водителю. Потому что они к ним были ближе всех.

Осталось одно малое мгновенье.

Полковник нажал на кнопку микропередатчика, который прятал в руке и который был настроен на волну электронных взрывателей, вкрученных в торец заранее установленных на дороге радиоуправляемых мин.

Сзади грохнул взрыв. Под днищем «Мерседеса».

Или перед «Мерседесом». В любом случае дорога вперед ему была перекрыта. Потому что одна мина была зарыта под корни сосны, которая теперь должна была рухнуть поперек дороги.

Мгновенно, в секунду прозвучавшего взрыва, Зубанов прыгнул и опрокинул на землю братьев, одновременно выдернув из кобуры и взведя пистолет.

Еще через мгновенье в дело должны были вступить его бойцы.

Но не вступили. Потому что выстрелов слышно не было. Кроме одной, длинной, в полный рожок, автоматной очереди, которую рассыпал под ноги охранникам командир автоматчиков Толстого.

– Стоять, су-ки! – бешено заорал он. – Убью-у!!! И бойцы встали, враз забыв, кто что должен делать. Бойцы предали своего командира.

– Бросай оружие! Руки за голову! Первые пистолеты

шлепнулись в траву.

– Отставить! – заорал Зубанов, отползая и толкая под защиту случайного пня братьев.

– Молчи, дурак, – очень спокойно и очень просто сказал автоматчик. – Если они дернутся, я их порешу. Всех!

В траву упали остальные пистолеты.

– Лежать!

Охранники присели и, неуклюже опираясь на локти, потому что руки были сцеплены за головой, стали ложиться на землю.

Бой был проигран, не начавшись. Бойцы развалились на траве, их командир в одиночку залег за пнем, глупо выставив единственный пистолет против нескольких автоматов. Теперь он тоже должен был встать, отбросить оружие, поднять руки и улечься носом в землю.

Перед кем улечься?! Даже не перед бойцами. Перед какими-то любителями. Перед мелкоуголовной швалью!

Не бывать такому! Полковники перед гражданскими на коленях не ползают.

– Добро. Встаю, – согласился Зубанов, лихорадочно вспоминая топографию местности. Ну не даром же он ее здесь изучал.

Ну... Должно быть какое-нибудь укрытие, которое... Есть! Там сбоку должна быть небольшая воронка. Скорее всего из-под поваленного ветром и убранного лесниками дерева. Точно, есть!

А раз есть, ее можно использовать. Для чего отпрыгнуть вбок, перекатиться, отсидеться и перепрыгнуть в начинающийся там овраг. А по оврагу... Но прыгать в воронку полковник Зубанов почему-то не стал.

– Оружие есть? – тихо спросил он, медленно поднимаясь.

– Есть, – ответили братья.

– Ну так стреляйте.

– Куда?

– Куда угодно. Главное стреляйте.

Полковник встал. Что, по мнению автоматчиков, было совершенно естественно и иначе просто быть не могло. Они еще не видели человека, который способен был переть на стволы, имея возможность спокойно отлежаться на траве. Они не знали, что в природе могут существовать такие люди.

– Вот он я, – спокойно сказал Зубанов, услышав, как под прикрытием его тела братья вытащили и взвели стволы.

Многие автоматчики даже не смотрели на него, абсолютно уверовав в свою победу. Ну и хорошо, что не смотрели. Очень хорошо, что не смотрели.

Не дожидаясь команды, Зубанов пошел навстречу автоматчикам. Ну же, ну же, когда?..

– Эй, мужик, ты куда собрался? – захохотал кто-то. – Ну-ка стой, где стоишь.

Но полковник успел шагнуть еще несколько шагов.

– Стой, говорят! Встал.

– Бросай оружие!

Ну когда же?..

Сзади бухнул выстрел. И тут же еще один. Автоматчики пригнулись и на мгновение перенесли внимание на открывших беспорядочную стрельбу братьев. Они скосили в их сторону глаза. И скосили дуда автоматов.

Теперь пора было действовать. Теперь было как раз. Через секунду было бы поздно.

Зубанов сделал вид, что бросает пистолет, и, используя наклон, сделал быстрый прыжок вперед. И еще один.

– Смотри-ка! – настороженно крикнул кто-то. Но было уже поздно. Полковник был уже в гуще врагов, где автоматы бесполезны. Где любая самая короткая очередь положила бы своих. В первую очередь своих. Скорострельность автоматов в этой ситуации утратила решающее значение. В этой ситуации их бил более короткий и потому более маневренный пистолет. Который был в руках Зубанова.

– Лежать!!! – что есть сил взревел Зубанов, давя на психику и одновременно на спусковой крючок.

Пять выстрелов, прозвучавших с интервалом в мгновение, ударили вниз – в ноги автоматчиков. Трое человек, дико вскричав, упали, обнимая разбитые тупой пээмовской пулей колени.

Очень хорошо, что вскричав. Чужая боль и чужие крики очень хорошо действуют на воображение оставшихся целыми. Очень правильно действуют!

– Лежать!!! – повторил свой приказ Зубанов, уставя ды-

мещающееся дуло пистолета в растерянные глаза автоматчиков.

— Я подохну, но еще нескольких из вас прикончу точно, — уверенно заявил он. — Вы видели, как я стреляю! Бросай оружие.

— Гад, — удивленно прошептал командир и дернул вверх дуло автомата.

На что полковник прореагировал мгновенным встречным выстрелом. Пуля с близкого расстояния, отчего не утратив начальной скорости, ударила командира в плечо, развернув и отбросив назад.

— Кто еще? — зловеще спросил полковник, переводя пистолет от одного лица к другому.

Его перекошенное злобой и азартом боя лицо было страшно.

— Ну? Кто?!

Сзади подбегали, держа в вытянутых руках пистолеты, братья.

Автоматчики отбросили оружие и сами, без команды, задрали руки к затылкам.

— Что, гниды? Взяли? — злобно заорали братья, тыча во всех подряд свои «вальтеры». — Скушали, собаки?..

— Договор, — попытался остановить их Зубанов.

— Какой договор?

— Ваш договор.

— Ах, договор! Конечно же, договор! — вспомнили братья. — Где он?

– Там, в машине, – показал пистолетом Зубанов. – Только осторожно... – Ну все! Кончим гниду! – злобно сказали братья и опрометью бросились в указанном направлении.

– Только без мокрого, – крикнул им вслед полковник и устало опустил на удачно подвернувшийся пенек.

– Всем руки за голову. Всем лечь....

Дело было практически закончено.

Полковник выиграл этот бой. Потому что один уложил мордой вниз десяток автоматчиков.

Полковник проиграл этот бой, потому что его бойцы предали своего командира.

Он выиграл проигранный им же бой!

Глава 6

Толстый подводил итоги и подсчитывал убытки. Итоги были печальные, убытки катастрофические. В пассиве было восемьсот тысяч долларов, четверо покалеченных охранников, переломанные братьями Заикиными ребра и публичный позор. Самое главное – позор, который для современного бизнесмена тот же оборотный капитал. Но и деньги тоже. Он деньги не на дороге нашел. Ему за половину тех денег еще кредитору отбавывать.

Теперь активы. Что в активе? Ничего. Кроме сохраненной жизни. Его, Толстого, жизни. Но этот единственный в плюсе пункт перевешивал все остальные.

Главное – что жив. А остальное приложится.

Но жизнь – жизнью, а надо было думать о делах насущных.

– Сивакова сюда!

Сиваковым был командир автоматчиков, который не справился с делом.

– Он дома, в гипсе.

– Плевать, что дома. Плевать, что в гипсе. За Сиваковым выслали машину.

– Ну? Что думаешь делать? – строго спросил Толстый, не обращая внимания на забинтованную грудь, гипс и подве-

шенную на растяжку руку.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду того козла, который тебя подстрелил и все дело испоганил. Вот кого я имею в виду! Откуда он взялся?

– Его год назад приняли на работу Заикины.

– Я знаю, что приняли. Кто он такой?

– Я навожу справки.

– И что уже узнал?

– Немного. Работал где-то в органах. Звание полковник.

– В каких таких органах? Ты можешь выразаться яснее?

– Определенно сказать не могу. Но точно – не в милиции.

– Это я без тебя догадался. Милиционеры так стрелять не умеют. Милиционеры вообще не стреляют. А сразу ложатся, оберегая свои драгоценные задницы.

Кто же он? Если не милиционер? Может, кагэбэшник? Или из военных?

Раненый пожал плечами.

– Ты узнай. Ты обязательно узнай. Из шкуры вывернись – а узнай. Нам это дело так оставлять нельзя. Пока он с ними, к ним не подступиться. Надо обязательно нащупать его слабые места.

И готовься, готовься! Нам это дело так просто спускать нельзя. Если мы братьям это дело простим, то на нас можно поставить жирный крест. Тут дело даже не в деньгах. Они нас там, в лесу, мордой в грязь уронили. И тем в силу вошли! Если мы не отомстим, мне кредиты давать перестанут, пото-

му что им понесут.

Мсть для нас дело даже не чести, но денег! И значит, на сегодняшний день самое главное.

Собирай силы и готовься к бою. Их слово не должно быть последним!

– Для сил нужны деньги.

– Получишь деньги. На такое дело я ничего не пожалею. Я, если над ними верх возьму, во сто крат больше получу. Так что болей не болей, а дело делай! И каждый день мне докладывай. По два раза на дню мне докладывай, если что узнаешь!

Сделаешь? – с напряженной надеждой спросил Толстый.

– Сделаю! Всех под ружье поставлю, но хребет им сломаю!

* * *

Через три недели в хозяйстве братьев пропал человек. Важный человек. Бухгалтер пропал! Который много чего разного знал об их финансовой кухне. И был братьям каким-то недалеким родственником.

Утром он выехал из дома, но на работу не приехал. Вместе с сопровождавшим его охранником.

– Куда он мог деться? – снова и снова спрашивали братья

друг друга и начальника службы безопасности, полковника в отставке Зубанова. – Ну не сквозь землю же... – Может, он где-нибудь у любовницы жирует?

– Нет. Я знаю всех его любовниц. И всех уже проверил, – покачал головой Зубанов. – И дальних и ближних родственников проверил. Нет его.

– А где он тогда?

– Не знаю. Но предполагаю, что его похитили.

– Кто?

– Хоть кто. Мало ли у вас врагов.

– У НАС! У НАС врагов! – поправили братья. – Ты, между прочим, не сам по себе, а тоже с нами. Можно сказать, по самые уши!

– Ладно, у нас, – поправился полковник. – Хотя когда вместе, деньги тоже вместе.

– Деньги врозь! Деньги каждый получает за то, что зарабатывает. Мы зарабатываем. Ты только охраняешь!

– Понятно. Деньги врозь, а ответственность пополам.

– Между прочим, он нас спас, – напомнил один из братьев другому.

– Между прочим, мы его тоже! Мы его от милиции отмазали. За тех, с перебитыми коленками. Он сейчас мог срок тянуть, вместо того чтобы здесь выступать.

Ну не любил полковник такого обращения. Хоть и в Безопасности, то есть практически в армейской среде, воспитывался. Там на него тоже кричали, куда как чаще кричали, так

кричали, что звездочки на погонах качались. Но там-то на него генералы кричали. Которым это по чину-званию положено. А здесь кто? Шушера поганая.

– Закрой рот и не воняй! – тихо сказал Зубанов. – Хочешь – уволь. А пасть не разевай! Я этого не люблю!

Как ни странно, но такое резкое обращение возымело положительное действие. Вместо того, чтобы его немедленно уволить и силами охраны спустить с лестницы, братья приумолкли. Может быть, вспомнили, как Зубанов стреляет. Когда нервничает... – Ладно. Хватит собачиться. Надо дело делать. Этого, как его, бухгалтера искать.

– Бухгалтер, я так Думаю, скоро сам объявится, – сказал Зубанов.

– Как так объявится? Сам, что ли, придет?

– Нет, не сам. Похитители его объявятся, а через них он.

– Шутишь, полковник?

– Нет. Нет, не шучу.

Ну как в воду смотрел Зубанов! Как какой-нибудь Нострадамус. Как сказал – так и вышло. Позвонили братьям насчет бухгалтера. Толстый позвонил.

– Вы, говорят, счетовода потеряли? – спросил он без всяких предисловий, едва только братья подняли трубку.

– А ты еще жив? После нашей встречи?

– Жив. Иначе бы не звонил.

– Что тебе надо?

– Бухгалтер ваш у меня.

– И что с того?

– Разговорчивый он у вас. Просто не замолкает. Щебечет с утра до вечера. Про дела ваши денежные.

– Что ты хочешь?

– Разминуться с вами. По-доброму.

– Как это?

– Вы мне украденные восемьсот тысяч. Я вам бухгалтера. И еще охранника в придачу. В виде бесплатного презента.

– Это когда это мы у тебя деньги украли? Что-то не припомним.

– Так месяц назад. В лесу, что возле кладбища.

– Не помним мы такого. Что убить нас пытались – помним. А про деньги нет.

– Странно, странно. Отчего же у вас память такая короткая? Бухгалтер ваш прекрасно этот приход помнит. Правда, он его через бумаги не оприходовал, чтобы перед налоговой не светиться. Но помнить – помнит.

Так что вы лучше гоните бабки, пока я вам все остальные убытки не посчитал.

* * *

– Какие остальные?

– Обыкновенные. «Мерседес» попорченный, три коленки

разбитых и плечо. Мне за те раны из своего кармана башлять пришлось. Ну да я добрый. По мелочам цепляться не буду. Обойдусь главным долгом.

– Да пошел ты... – Вы погодите кипятиться. Тут ведь дело круто завернулось. Я должок спускать не намерен, чего бы мне это ни стоило. Вы же понимаете, мне доверие кредиторов возвращать надо.

– Денег все равно не получишь.

– А может, мы без денег как-нибудь столкнемся? Если хорошо потолкуем. С глазу на глаз. А то ведь иначе война. Которая ни вам, ни мне... – Где?

– Сегодня. В ресторане «Юбилейный». В три часа. Устроит?

– Хорошо. Будем.

– Только вы своего держиморду не берите. А то мои ребята дюже до него злые. Как бы чего не вышло. А нам с вами надо в тихой обстановке посидеть.

– А где гарантии, что, если мы его оставим, ты какую-нибудь пакость не учудишь?

– Для гарантий я выбрал людный ресторан в центре города, а не кладбище, как некоторые. А если сильно боитесь, можете взять свою охрану. Всю. Кроме начальника. И можете их по периметру ресторана расставить, как огородные пугала.

Ну вы сами прикиньте, не буду же я полномасштабный

бой в центре города устраивать! Мне моя репутация дорога. Да и с милицией лишний раз сталкиваться не резон.

– Ладно. Считай, что уговорил. Братья одновременно опустили две трубки двух параллельных телефонов.

– Не сделает он нас там?

– Вряд ли. Там ведь действительно центр. И люди. На хрена ему лишние приключения.

– Едем?

– Едем. Но человек пять с пушками на всякий случай в зал все-таки посадим.

– Больше. Он жук крученный. Мало ли что удумать может...

* * *

В ресторане было тихо. И даже музыка не играла. В зале было всего несколько посетителей. Если не считать человек пятнадцати охраны. С той и с другой стороны.

– Садитесь, – жестом гостеприимного хозяина предложил Толстый. – Можете пить и кушать. Не бойтесь, это не местное. Это мое. Я в этих пятизвездочных тошнилловках не ем. Только если свое.

– Отравить хочешь? – усмехнулся один из братьев. И даже, может быть, не пошутил.

– Тогда и себя тоже, – ответил Толстый. – Я то же самое есть и пить буду. Ешьте, ешьте. У меня повар роскошный. Такого второго в городе нет. Он в ЦК партии работал в столовке. Самому Генсеку котлетки парил. А теперь вот мне.

– Роскошествуешь, Толстый?

– Живем-то один раз. И то бывает впроголодь. И там, возможно, впроголодь, – ткнул он пальцем в потолок.

– Скорее там, – показал один из братьев в пол.

– Можно и там. Лишь бы кормили, – согласился Толстый.

– Может, хватит трепаться? Не будем мы есть. Мы по делу пришли. Говори, что надо? – оборвали ни к чему не обязывающий треп братья.

– Ну как хотите, – с видимым сожалением вздохнул Толстый, обтирая салфеткой губы. – Я ведь для чего вас сюда пригласил? Чтобы неспешно, без стрельбы разобраться в непростой ситуации... – Короче! Что хочешь?

– Деньги хочу получить обратно.

– А если не деньги?

– А если не деньги, то тогда голову вашего охранника. Который там, в лесу, моих ребят сильно обидел. И меня тоже.

– Ну ты даешь, Толстый!

– А вы погодите суетиться. Я ведь дело говорю. Которое и вам и мне. Потому как если не он, то деньги. Большие деньги. Почти миллион зеленых штук. Неужели он стоит миллиона «зеленых» штук?

– А если не деньги и не голова?

– Такого, чтобы ни того, ни другого, не получится. Вы себя на мое место поставьте. Ведь если я вам не отомщу – мне крышка. Все от меня отвернутся. И по старым, в том числе прощеным и в том числе мифическим, долгам деньги обратно потребуют. Ну, раз я их так легко отдаю. Ну вы же наши законы знаете. Волчьи законы. Если упал и с ног не поднялся – свои же и загрызут. В первую очередь свои.

Так что у меня другого выхода нет, как подниматься. Пусть даже ценой большой войны.

– Ты нас войной не пугай. Мы войны не боимся.

– Я боюсь. В отличие от вас боюсь. Потому что если мы ее начнем, то не остановим.

– Не мы, а ты начнешь.

– Хорошо, я начну. Что с того, что я. Тут не важно, кто первый выстрелит. Тут важно, в кого пули попадут.

– Ты знаешь, Толстый, мы от пуль не бегаем. Так что если ты ведешь базар за войну – делай войну! – подвели итог братья и встали.

– Погодите уходить. Я еще не все сказал. Я еще не сказал за вашего бухгалтера. Который развязал язык.

– Про что ты еще?

– Про все то же. Про войну. Которую, я боюсь, вы не с одним мной вести будете.

– А с кем еще?

– С одним вашим компаньоном, которого вы кинули, сказав, что деньги легавые изъяли, а на самом деле не взяли. А

он об этом знать не знает. И о другом кредиторе, которого вы тоже кинули... — Бухгалтер тренькнул?

— Он. И много еще о чем другом тренькнул. Так что вы не со мной воевать будете. Вы с целой армией воевать будете.

— Что ты предлагаешь, чтобы забыть про бухгалтера?

— Все то же самое. Деньги или голову. Деньги, я так думаю, вы пожалеете. Значит, остается голову.

— Нам надо подумать.

— Думайте. До завтрашнего дня. Завтра к вечеру я начну звонить вашим кинутым компаньонам.

Так что вы с этим делом не затягивайте. Мне кажется, восемьсот тысяч долларов за одну голову хорошая цена. Достойная цена. Вас устраивающая. И меня тоже устраивающая. Пусть меньше, чем возврат денег, но все же устраивающая. Я той головой от многих прикроюсь.

Так что жду. Завтра жду. С деньгами. Или с головой...

Глава 7

Дома братья напились. Вдрызг. Все-таки не каждый день приходится торговать чужие головы. Можно было бы, конечно, согласиться и на «зелень», но тут Толстый прав, таких денег голова Зуба не стоит, сколь бы светлой она ни была. Таких денег вообще ни одна голова не стоит! Кроме разве их, братьев, голов. И то еще неизвестно, как там может сложиться с ценой, если их продавать в розницу. Может так получиться, что один за другого нужную цену и не даст.

– Давай лей, – подставлял один другому стаканы. – Еще лей.

– А много не будет?

– Мало будет... За помин души... – Да погоди ты. Он еще жив.

– Уже считай, что не жив. Уже считай, что его башка на подносе у Толстого лежит!

– Да-а. Жалко Зуба!

– Не то слово. Он нас там, в лесу, можно сказать... А мы его... – А что мы сделать можем? Разве только бабки отстегнуть.

– Нет, бабки нельзя. Своя башка ближе к телу. Мы пока только полсуммы набрали. У Толстого набрали. Осталось еще семьсот. А если их отдать, то снова полтора. Полтора

нам взять негде. Так что аминь и за помин души усопшего раба.

– Я же тебе говорю, что он живой еще.

– Не живой он. Он временно живой. И значит, уже почти мертвый.

– Может, ему сказать? Предупредить?

– Чтобы он сбежал?

– Ну да. Чтобы сбежал.

– Тогда не будет головы.

– Не будет... – И придется отстегивать бабки.

– Придется... – А их у нас нет.

– Нет... – Ну значит, предупреждать нельзя.

– Нельзя... Но Зуба жалко... Он нас тогда, в лесу... с того света. А мы его... на тот... Утром у братьев жутко болела голова. И было тошно внутри. Но еще более тошно на душе. Хотя, казалось бы, должно быть совсем наоборот. Потому что они провернули очень выгодную сделку – продали одного-единственного человека почти за миллион баксов. Это даже если по весу считать, то, наверное, дороже золота получится.

– Налей, – попросил один брат другого. – И себе тоже.

Братья выпили по полстакана водки, но легче не стало. Ни голове. Ни душе.

– Ну что делать будем? Время осталось только до вечера.

– То самое будем! Сделку завершать будем.

– Ну завершать так завершать... Братья набрали номер де-

журного на первом этаже.

– Дежурный слушает.

– Зубанов приехал?

– Да. Уже давно.

– Скажи, пусть зайдет.

– Когда?

– Через пятнадцать минут, скажи.

– Скажу.

Зубанов пришел ровно через пятнадцать минут. Секунда в секунду.

– Ну и дух тут у вас! – удивился он. – Что праздновали?

– Удачно проведенную сделку.

– Поздравляю. Много сорвали?

– Восемьсот тысяч. Баксов. Вот так вот, – А я по какому поводу понадобился?

– По тому же самому. В гости мы сегодня идем. В пять часов.

– Куда?

– К Толстяку в гости. Домой. Он приглашал. Вот тебя решили с собой прихватить.

– А не опасно втроем?

– Нормально втроем. Уговор такой был. Да ты не опасайся, ничего не будет. Они после того леса тебя как огня боятся. От тени твоей шарахаются.

– То-то и оно, что боятся, что зуб на меня имеют.

– Если имеют, ты им его выбьешь, – попробовали пошу-

тить братья, но получилось не очень.

– Ладно, раз ехать, значит, ехать... Не понравилась полковнику эта поездка. Вот не понять чем, а не понравилась. Может, от того, что в логово врага идти предстояло, может, еще из-за чего, но не понравилась. Предчувствие какое-то мучило полковника. Именно нехорошее предчувствие, а не страх. Мало ли куда он один ни ходил. Это может быть даже лучше, что один, чем с этими, никуда не годными трусами. На себя по крайней мере в трудную минуту рассчитывать можно. В отличие от них.

Не было в этой поездке ничего сверхъестественного. А ехать все одно не хотелось... – Ближе к пяти будь готов, – напомнили братья.

– Буду... Когда Зубанов ушел, братья набрали номер Толстого.

– Мы приедем. В пять часов.

– Втроем?

– Втроем.

– Буду ждать... В шестнадцать тридцать пять Зубанов распорядился подать «Мерседес» к подъезду. Двадцати минут, для того чтобы доехать до апартаментов Толстого, должно было хватить с избытком. Плюс пять минут резерв на затор-моженность мучающихся с похмелья братьев. В любом случае не успеть было нельзя.

Зубанов вытащил мобильный и сообщил на номер братьев, что машина ждет.

– Идем, – недовольно ответили они.

"С чего это они такие недовольные жизнью? И такие пьяные? – подумал полковник. – Надо будет по этому поводу помозговать. Потом. Когда вернемся».

Но назад полковник Зубанов не вернулся... – Рассаживайтесь, – радушно предложил Толстый. – Угощайтесь.

– Сыты мы. По самое горло, – грубо ответили братья. – Говорить давай.

– При нем? – показал Толстый на охранника.

– При нем.

– При нем разговора не получится.

– Почему?

– У него микрофон может быть. Пусть он на всякий случай выйдет.

– Нет у него микрофона. Можешь проверить.

– Хорошо, проверю. Толстый вызвал охрану.

– Зря вы это, – сказал Зубанов. – Нельзя ко мне чужих подпускать.

– Почему это?

– На всякий случай.

В комнату вошли три дюжих охранника. «Зачем три, если для этого дела довольно одного?» – подумал Зубанов. И на всякий случай поправил отворот пиджака, придвинув руку ближе к рукояти пистолета.

– Снимите, пожалуйста, пиджак, – попросил один из охранников.

– Зачем?

– Нам надо проверить вашу одежду. Зубанов вопросительно взглянул на своих хозяев. Они знали, что одежда телохранителя неприкосновенна. Что куда бы и зачем он ни зашел, он должен выйти в том, в чем пришел. Что приближаться к нему на расстояние вытянутой руки посторонние не должны. Тем более снимать одежду. Он много раз вдалбливал им это в головы, когда в гостях добрые хозяева предлагали ему снять пиджак, чтобы не париться.

– Руки! – остановил полковник потянувшихся к нему охранников. И еще более пристально взглянул на непонятно почему мнущихся хозяев.

– Отдай им пиджак. Отдай, – сказали те. Снимая пиджак, полковник попадал в самое невыгодное с точки зрения боя положение – его руки на несколько секунд должны были застрять в рукавах.

– Да сними же ты его наконец! – закричал один из братьев. Зубанов расстегнул пуговицы и потянул пиджак с плеч.

В то же мгновение в кисти ему вцепились несколько рук, а еще одна выдернула из кобуры пистолет. Потом ему заломили руки за спину и защелкнули на них браслеты.

Все! Дергаться было бесполезно.

– Извини, – сказали братья. – У нас не было другого выхода.

– Так это вы? – даже и не удивился очередному предательству Зубанов.

– У нас не было другого выхода, – снова повторили братья, потому что больше им сказать было нечего.

– За сколько продали?

– Дорого, – ответил за братьев Толстый. – Много больше, чем кого-нибудь другого. За восемьсот тысяч баксов.

– Сволочи! – только и смог сказать полковник.

– У нас не было другого выхода, – в третий раз повторили братья.

– Ну все. Будем считать, что мы в расчете, – подвел итоги сделки Толстый. – Теперь ни вы мне, ни я вам.

Зубанов попытался дернуться, чтобы достать обидчиков ногой, но не смог. Его тут же осадили и для острастки ткнули кулаком в почки.

– Сидеть!

– Уберите его, он нам мешает, – сказал Толстый. – Совсем уберите.

Охрана подхватила Зубанова под руки и потащила в соседнюю комнату, из комнаты на лестницу, а с лестницы в машину.

"То, что в машину, – очень плохо, – подумал полковник. – В машину толкают, только когда дело идет к концу. Когда надо труп или еще не труп вывезти куда-нибудь подальше. Куда-нибудь на природу. Где ни одна сволочь не найдет».

– Куда поедет? – на всякий случай спросил он.

– В Диснейленд! С Микки-Маусом знакомиться. Садись давай! – охранники еще раз наддали под ребра и впихали

полковника на заднее сиденье.

Могли бы и не мучиться. Могли бы сразу в багажник... Машина тронулась с места и двинулась... Туда, куда надо, двинулась. К сосновому бору и кладбищу. Где так удобно новоиспеченного покойника сунуть на дно чужой могилы и припечатать сверху вполне законным гробом. Кто станет искать лишнего покойника в могиле? И главное – никакая собака, никакой детектор мертвечины ничего не учует. Потому хоть так, хоть так покойником пахнет.

– Узнаешь? – снова ударили охранники. Но на этот раз в печень ударили. – Узнаешь, падаль смердящая?

– Узнаю, – кивнул Зубанов.

Машина въехала на знакомую ему поляну. Где он так удачно разоружил десять человек. В том числе и этих, которые его сюда привезли.

– Вылазь, гнида!

Вытолкали из машины. Отволокли в кусты. Поближе к кладбищу.

– Вставай! На колени вставай! Падла! Как ты нас тогда ставил.

Полковник встал на колени. Потому что спорить с такими дуболомами без толку. Они человеческого языка не понимают.

Зубанов встал на колени и приготовился к выстрелу. Настолько, насколько к нему можно подготовиться.

Стрелять скорее всего будут в затылок Как гестаповцы. И

как чекисты, приводившие приговор в исполнение при Сталине. Как любые другие профессиональные палачи.

– Ну давайте уже, – хрипло сказал Зубанов.

– Смелый. Гад! А вот сейчас действительно!

Сзади характерным звуком клацкнул передергиваемый затвор.

Ну вот и все... Ну и хрен с ним. Он уже однажды стоял так, на коленях, слушая приставленный к голове ствол. Раньше стоял. Еще в той жизни. На ракетной площадке. Так что можно считать, что это просто возвращается тот, который он задолжал, выстрел.

– Ну все, гад! Молись своему богу!..

– Буде, – сказал в стороне спокойный голос. – Побаловались, и довольно. А то действительно еще пристрелите невзначай.

– Да мы так. Попугали малость, – резко сник и попытался оправдаться баловавшийся оружием исполнитель.

– Ну значит, считайте, что уже попугали. Тащите его в машину. И передайте своему Толстому, что груз я принял.

Полковника снова подхватили под руки и потащили через кусты к совсем другой, незнакомой ему, машине.

– Куда?

– На заднее сиденье. И снимите с него наконец наручники. А то он мне салон кровью измарает.

Наручники сняли. Дверцу захлопнули, и полковник Зубанов поехал в неведомом ему направлении. Куда поехал, к

кому поехал, зачем поехал – совершенно непонятно.

Глава 8

Человек сидел за огромным, в полкомнаты, столом и что-то писал. Рядом стоял компьютер, чуть поодаль лежал ноутбук, а он писал.

– Нельзя терять нажитые навыки, – сказал он вошедшему. – Опасная тенденция. Сегодня писать пером разучишься, завтра читать с листа бумаги, послезавтра забудешь, что человек. Подумаешь, что приставка к компьютеру. Которая нажимает нужные ему кнопки. Ну что у тебя?

– Они приехали.

– И привезли?

– Привезли.

– Давно?

– Только что.

– Пусть ведут сюда. Впрочем, нет. Не сразу. Вначале пусть в порядок приведут. А то ведь, наверное, по дороге не выдержали, поупражнялись.

– Не без этого.

– Ну ладно, хоть без того. Короче, окажи ему первую медицинскую помощь, вымой, накорми, одень и приводи сюда. Часа на все хватит?

– Думаю, хватит.

– Тогда жду. С нетерпением жду. Не каждый день можно

с живым суперменом повидаться.

Через назначенный час вымытого, переодетого и накормленного полковника Зубанова препроводили в кабинет. Где почти половину его занимал огромный стол... – Люблю старую мебель, – сказал, вставая, хозяин кабинета. – В том числе канцелярские столы тридцатых и сороковых годов. Вот с таким зеленым сукном. За этим столом, к примеру, сидел Орджоникидзе. Я вам точно говорю! Я проверял.

– Орджоникидзе спрашивали? – не удержался, плоско пошутил Зубанов.

– У его секретаря и других отв. работников.

– Что значит отв.?

– Отв. – это значит ответственный работник. За свою работу ответственный. Это то, чего так не хватает современным руководителям. Садитесь.

Полковник сел. Раз предложили – Я тут о ваших приключениях узнал... – О каких? О тех? Или об этих? – показал Зубанов на кровоподтеки на руках.

– И о тех, и об этих. О тех понаслышке, а к этим я сам руку приложил. Вернее, голову. Это, между прочим, я вас спас.

– Догадываюсь Не догадываюсь только зачем.

– Для взаимовыгодного сотрудничества.

– Мои прежние хозяева тоже обещали взаимовыгодное...

– Прежние хозяева тебя предали. И продали. За восемьсот тысяч долларов. Прежние твои хозяева были дерьмо. Они всегда были дерьмо. За что и расплачиваются.

– Мной расплачиваются?

– В том числе и тобой.

– С Толстым?

– Нет, не с Толстым. Толстый такое же дерьмо, как они. А в этой конкретной сделке просто гомонок, в который вначале положили деньги, а потом забрали деньги.

– Так это вы?! – вдруг догадался Зубанов.

– Я. В том числе и я.

– А Толстый?

– Толстый – мелкий статист. Который, сам того не подозревая, играет уготованную ему роль.

– А вы, значит, и есть тот самый кредитор. Который братьев за жабры взял?

– Ну что вы, нет, – засмеялся хозяин кабинета и стола наркома Орджоникидзе. – Для меня эта роль слишком мелкая. Роль кредитора играл совсем другой человек. Но тоже очень богатый человек. Гораздо богаче Толстого и твоих бывших хозяев. Вместе взятых – богаче.

– А вы всю эту комбинацию продумывали?

– И воплощал в жизнь. Как и многие другие. Эти твои братья сильно мешали мне. А в последнее время очень сильно. Они к центру города свои руки потянули, а это не их территория.

– Ваша?

– Моя. И моих добрых друзей. Вначале они не спросясь приобрели «Центральный», а потом подмяли «Аэлиту». Они

вошли во вкус. Это очень опасная тенденция. Их надо было как-то останавливать.

– И вы подкинули им товар?

– Нет, товар они нашли сами. Правда, по моей наводке. Очень выгодный товар, который обещал двойную прибыль и очень быстрый оборот. Возможно, даже недельный оборот. Но у них на этот товар не было денег.

– И вы навели их на кредитора?

– Совершенно верно. Вы очень быстро мыслите. Я нашел им кредитора. Вернее, они сами его нашли, но эту мысль, через авторитетных для них людей, внушил я.

Братья взяли кредит под очень жесткие условия, потому что были уверены в успехе операции. И купили товар.

– И вы тоже купили?

– И я тоже. Но раньше их. И больше их. А главное – успел привезти товар на неделю раньше.

– И теперь продаете его, чтобы сбить ажиотажный спрос? Чтобы лишить братьев потенциального покупателя?

– Еще не продаю. Но буду. По самым низким ценам. По бросовым ценам. Я начну продавать свой товар, как только начнут его развозить по магазинам они. И собою цену так низко, как они не смогут... – Даже если потеряете в деньгах?

– Даже если потеряю. Очистка территории от конкурентов важнее прибыли. Свободные территории окупаются очень быстро. Впрочем, я думаю, до убытков дело не дойдет.

– Потому что товар не придет в город?

– Вполне может быть, что не придет. А если придет, то слишком поздно. Не раньше, чем когда капающие проценты превысят сумму самого долга.

– Это тоже вы?

– Что я?

– Придержали вагоны в пути? Незнакомец очень внимательно посмотрел на Зубанова.

– Тоже я.

– То есть, как я теперь понимаю, братья не могли выиграть в этой операции ни цента. Изначально не могли. Что эта торговая операция была обречена... – С самого начала. С мгновенья, когда они узнали о выгодном товаре. Вернее даже, еще раньше, когда ступили на чужую территорию.

– Вы придумали товар, придумали, где братьям взять под него кредит, придержали вагоны в тупике какой-нибудь мелкой станции и на всякий случай, чтобы при неудаче с вагонами сбить цены, приобрели точно такой же товар. Получается, что вы же подвели к братьям Толстого.

– Нет. Они нашли его сами. Потому что знали его как потенциального и очень богатого покупателя. Все почему-то считают его богатым покупателем. Хотя на самом деле его богатства давно закончились.

– Но он нашел деньги.

– Он нашел деньги у меня. Вернее, у подсунутого ему мною кредитора. Правда, нашел лишь полсуммы. И потому остаток решил добавить «куклой».

– Это тоже вы ему подсказали?

– Это он сам придумал. И ничего другого придумать не мог. Он ведь в молодости был кидалой. Подсовывал гражданам, желающим купить вне очереди машины и мебель, «куклы». Вот и пошел по проторенному пути.

– Но ведь он рисковал.

– Чем? Он считал, что братья уже свалены. Кредитором свалены. Что им будет не до того, чтобы бегать за ним. Дай бог свои бы ноги унести. Ведь время, в виде процентов с кредита, работало против братьев. И значит, в том числе и на Толстого. Он хотел обезопасить себя чужими руками.

Но вмешались обстоятельства. Вмешались вы!

– Я?

– Вы! Потому что не позволили сделке состояться. И вернули деньги братьям, оставив им при этом их магазины. Теперь у них появился шанс выкрутиться из этой ситуации. За счет Толстого выкрутиться. Который остался должен кредитору полмиллиона «зеленых». И тоже под проценты с будущей прибыли от купленных магазинов. Которых теперь у Толстого нет.

Толстый попал в скверную ситуацию. В точно такую же, в какую хотел засадить братьев. Но я думаю, Толстый выкрутится.

– Как?

– Как-нибудь. Может быть, снова займется «кукольным» производством. Может, еще как. Но деньги в конечном сче-

те отдаст. Потому что не может не отдать. «Пол-лимона» не такая уж большая сумма.

– Но ведь еще проценты... – У него нет процентов. Он расплатился по процентам.

– Чем?

– Вами. Он доставил мне вас. Теперь мы с ним в расчете. По процентам в расчете. Осталось подвести баланс с вами.

– Похоже, вам тоже не понравилась та история в лесу. Похоже, вы тоже повезете меня в тот лесок, чтобы свести мой дебет с вашим кредитом. Только стоило ли отдавать проценты, чтобы иметь удовольствие лично самому... – Нет. Вы ошибаетесь. Мне, в отличие от всех прочих, эта история как раз понравилась. Хотя я на этом потерял приличные деньги.

Я люблю профессионалов. В какой бы области они ни работали. Вы профессионал. И как показал опыт – высочайшего класса. Вы один ткнули мордой в грязь десять «быков»!

– Это ровным счетом ничего не значит. Кроме того, что они были слюнтяи и трусы. Если бы там были бойцы, они бы никогда не легли. Лег бы я. Не моя заслуга, что у Толстого нет бойцов.

– Вот по этому поводу я и хочу с вами поговорить. Мне нужны вы. И нужны воспитанные вами бойцы. Мне надоели «качки», которые только и могут, что играть мускулами. Я хочу спать спокойно. И хочу вести бизнес спокойно. Я готов платить за покой. Хорошо платить.

– Вы шутите? Ведь это я там, в лесу... – Нет, я не шучу. И,

надеюсь, доказал, выплатив аванс. Не вам, конечно. Толстому выплатив, простив ему проценты. По-моему, это достаточно серьезный жест с моей стороны. Я мог взять деньги, но предпочел взять вас.

Значит, вы действительно нужны мне. Не все ли равно вам, на кого работать? На меня лучше, чем на братьев. Потому что выгодней.

– А вы не думаете, что у меня могут быть свои принципы... – Могли быть. Раньше могли быть. Не спорю. Но раз вы продались Заикиным, значит, ваши принципы уже в прошлом. Я извиняюсь за резкость, но я привык все называть своими именами. А не чужими. Хотите вы того или нет, факт продажи состоялся. Теперь дело осталось только за ценой. Я даю хорошую цену. Самую большую, которую здесь могут дать.

– Я не люблю, когда меня покупают за деньги.

– Я покупаю вас не за деньги. Я покупаю вас за дружбу. Деньги назначаете вы. Это не покупка, когда окончательную сумму назначает продавец, а не покупатель.

– Вы не боитесь, что я могу назначить очень большую цену?

– Не боюсь. Вы не назначите очень большую цену. Вы назначите разумную цену, И именно потому, что вас не интересуют деньги. Вернее, интересуют в самую последнюю очередь. Вы назначите разумную и, значит, приемлемую для меня цену, потому что я предлагаю вам дело. Не деньги, а де-

ло! В котором абсолютно развязываю вам руки. Вы можете покупать любую, какую сочтете нужным, аппаратуру, выписывать любых, каких пожелаете, специалистов... – А если я откажусь, то меня отвезут обратно? Обратно в лес... – Ничего подобного. Вас отвезут туда, куда вы скажете. Принять или не принять мое предложение – сугубо ваше дело. Дело вашего выбора. Я вас ни к чему принуждать не буду.

– И отпустите?

– Отпущу.

– А как же аванс? Выданный Толстому.

– Будем считать это потерей рискованного капитала. Не все же сделки приносят доход.

– Можно подумать?

– Конечно, можно.

– Одни сутки?

– Сколько угодно. Хоть полгода. Я буду рад принять вас в любое время.

– Мягко стелете... – Добрым гостям всегда мягко стелют. Чтобы им мягко спалось.

– Тогда я пошел?

– Идите. Я вас не задерживаю. И помните, что все мои предложения остаются в силе.

Зубанов встал и пошел к двери. Чтобы уйти. Или, может быть, убедиться в возможности ухода.

Но не ушел. В последний момент, уже взявшись за ручку двери, остановился.

В конце концов, факт его продажи действительно уже состоялся. Раньше состоялся. Тут хозяин кабинета прав. Он, конечно, может отказаться от лестного предложения, но куда он тогда пойдет? Обратно к братьям Заикиным? Которые его предали. Или к следующим братьям Заикиным? Или к Толстому?

Куда бы он ни пошел, он все равно придет туда, куда уже пришел. Придет наниматься на работу к капиталу. Большому или маленькому – не суть важно. Наверное, предпочтительней к большому. Там хоть не придется общаться с всем уж мелкой швалью.

Если продаваться, то надо продаваться по-крупному. Если все равно продаваться... К чему из себя девицу корчить, когда уже под мужиком побывала? Вернее, сразу под двумя мужиками. Которые родные братья... – Я хочу работать с профессионалами. И потому хочу вызвать сюда своих бывших сослуживцев, – твердо сказал Зубанов.

– Буду только приветствовать, – радостно улыбнулся хозяин кабинета.

– Кроме того, мне понадобится специальное оборудование. И понадобится настоящее оружие.

– Принимается. Все, что возможно будет достать, я достану. Что не достану – куплю.

– Но профессионалы и профессиональное боевое оружие стоят дорого.

– Не дороже жизни. Я уже говорил – цены назначать вам.

Мне – подписывать представленные вами счета.

Так вы согласны?

– При соблюдении выдвинутых мною требований, наверное, да. Все-таки – да, – повторил Зубанов, обрубая пути к отступлению. И еще раз повторил. На этот раз уже, похоже, для себя:

– Да!

– Тогда давайте хотя бы познакомимся. Ведь мы... мы до сих пор не познакомились. Разрешите представиться – Иван Степанович Боровицкий. Как теперь говорят – предприниматель.

– Григорий Степанович Зубанов, – отрекомендовался Зубанов.

– Очень приятно. Нет, действительно очень приятно. Приятно, что мы с вами все-таки сговорились, – дружелюбно протянул открытую руку Зубанову хозяин кабинета.

Вернее, уже не хозяин кабинета. Вернее, уже просто – хозяин. Полковника Зубанова – Хозяин.

Сделка состоялась. И была скреплена дружеским рукопожатием.

Все-таки сделка состоялась...

Глава 9

Этот кабинет был другой. Совсем другой. И дело даже не в площади. Тем более не в оборудовании, которое не шло ни в какое сравнение... Дело в расположении кабинета. Кабинет располагался в отдельно стоящем четырехэтажном здании, огороженном по периметру капитальным трехметровым забором. Кабинет и все это здание принадлежали Зубанову. Конечно, не на правах собственника, но на правах полноправного хозяина.

Кабинет находился на втором этаже. На первом – дежурка и оружейка. В подвале тир. На третьем этаже – комнаты личного состава. На четвертом – спортзал. На чердаке – наблюдательный пункт и антенны, обеспечивающие дальнюю радиосвязь.

Дом был перепланирован согласно пожеланиям полковника. Хозяин выполнял свое обещание. Полковнику действительно развязали руки и дали деньги. Пока столько, сколько он попросил.

Полковник обустроил свой офис так, как привык. Как казарму. Где все подчинено задачам боевой и специальной подготовки. Где все просто, органично и функционально. Если приемная, то без излишеств в виде роскошной мебели и сидящих за ней не менее роскошных секретарш. Если кро-

вати для отдыха, то узкие, с жесткой лежанкой и обязательно разборные, чтобы можно было их перетащить в любое место, в любую следующую минуту.

Из предметов роскоши – только телевизоры в комнатах отдыха и бильярд в сауне. Все остальное пространство занимали оружие, средства связи, амуниция и спецснаряжение. И шкафы, ящики и хранилища для оружия, средств связи, амуниции и спецснаряжения.

– Крепко ты здесь обосновался! – каждый раз удивлялся, бывая в хозяйстве Зубанова, Хозяин. – Тебя тут пушкой не вышибешь!

– Смотря какого калибра будет пушка. Хотя пушки как раз и не будет.

– А что будет?

– По всей видимости, снайперская винтовка. Для вас.

– Спасибо на добром слове.

– И налоговый инспектор, судебный исполнитель и следователь прокуратуры – для нас. Мы ведь не стенами этими от окружающего мира прикрыты. Вернее, в гораздо меньшей степени стенами.

– Это верно. Пока я жив, они сюда не сунутся. А когда нет – то хоть и с пушкой. Так что ты меня как следует охраняй, полковник. Потому как у тебя в том прямой резон имеется.

– Охраняю. Как могу.

– Это я уже заметил. И все заметили, – усмехнулся Хозяин, кивнув на трех молодцов, нависающих над его плеча-

ми. — Они, я тебе скажу, полный фурор произвели.

Новые телохранители были полутяжами-борцами.

Которые остались без борьбы. О чем теперь совершенно не сожалели. Полутяжи были очень эффектны внешне и совершенно бесполезны по сути. Вся их польза была в объемах. Которые оставляли мало шансов протиснуться к Хозяину злоумышленнику и в какой-то степени даже пуле, выпущенной снайпером, так как перекрывали все подходы своими телесами. Короче, телохранители были не более, чем ширмой, назначенной привлекать взоры и принимать в себя пули. Большим и сильным пушечным мясом.

Настоящую охрану вели несколько ничем не приметных, шустрых бойцов, постоянно отирающихся возле парадных телохранителей под видом референтов, секретарей, курьеров и тому подобной офисной шушеры. Но их никто не замечал. Потому что все взоры были устремлены на борцов.

Дальнюю охрану осуществляли выдаваемые за представителей толпы и случайных зевак наблюдатели. Они должны были заранее известить о приближении опасности.

Но все равно все эти полутяжи, бойцы-курьеры и наблюдатели играли в деле защиты клиента от вооруженных посягательств самую малую роль. Потому что самую большую — оперативные методы разведки.

Что толку в охране, если не знать, кто конкретно может угрожать Хозяину и каким примерно способом возжелает от него избавиться.

"Известен – значит, безопасен», – говорят меж собой спецы. Вычисленная угроза перестает быть угрозой, так как всегда можно предпринять против нее ряд действенных контрмер. А когда не знаешь, откуда последует выстрел, тогда никакие телохранители не помогут.

Полковник Зубанов сделал упор на профилактике возможных покушений, обеспечиваемых широко поставленной оперативной работой. Знал бы полковник, какую он яму копает. В первую очередь себе копает. Знал бы – поберегся.

А впрочем, ведь знал! Не мог не знать! Информация в больших количествах, она всегда опасна. Как обоюдоострый меч. Как граната с вырванной чекой. Казалось бы, дернул кольцо, чтобы наказать виновных, а осколки, разлетаясь во все стороны, в первую очередь попали в тебя. Как информация, которая тоже не выбирает.

Так что пусть не говорит потом полковник, что не догадывался о последствиях творимых им поступков. Что не знал, как опасно тревожить пчелиный улей. Все он знал! Обо всем догадывался! Просто вовремя остановиться не смог. Заигрался полковник в абсолютную, без оглядки на вышестоящих генералов, власть.

И тем на собственную шею проблем наскреб... – Ну что? Что ты там еще узнал насчет моих недругов? – спросил Иван Степанович Боровицкий. – Кто там под меня новый копает? – Новых нет. Одни старые. Да и копают пока не очень чтобы активно.

– Но все-таки копают?

– Не без этого.

– Где?

– Более и активней всего под Северный рынок. Собираются перехватить грузопоток, чтобы перенаправить большую часть его на Восточный оптовый.

– Кто – можешь не говорить. Здесь и так понятно, откуда и чьи уши растут. Интересно только, как собираются перенаправить? Это же не река, чтобы ее запрудой вспять поворачить. Не знаешь ничего по этому поводу?

– Кое-что знаю. Вернее, почти все знаю. Для начала они сбавят цены за аренду, весы и прочее на Восточном, предложат дополнительные услуги, развернут рекламу. Ну а если не поможет... – Конечно, не поможет. Мы тоже сбавим и предоставим. Еще больше, чем они, сбавим и больше предоставим... Не выйдет у них ничего. А если не выйдет, то что?

Что они тогда предпримут?

– Если не помогут чисто экономические меры, они предполагают шугнуть продавцов.

– Как?

– Как обычно – испортят кому-нибудь партию товара, попротыкают колеса грузовиков, пару палаток сожгут, избыют кто под руку подвернется. В худшем случае... – Еще и в худшем... Что в худшем? Убьют кого-нибудь?

– Нет. Отравят пару десятков покупателей и распустият слух по городу о продаже недоброкачественных продуктов.

– Вот гниды, что удумали!

– Что удумали, то удумали.

– Откуда все знаешь?

– Из конфиденциальных источников.

– Из каких?

– Я же говорю – конфиденциальных.

– Осведомители, значит... Фамилии, конечно, не скажешь?

– Не скажу. Я свои источники не раскрываю.

– Даже мне?

– Кому бы то ни было.

Иван Степанович слегка дернулся. Не привык он, чтобы ему отказывали в просьбах. Тем более подчиненные.

– Осведомителя должен знать только один человек. И осведомитель знать одного. В этой цепочке может быть только два человека.

– А оплачивать их услуги третий? То есть я.

– То есть вы.

– Хорошее дело! Я за свои деньги не могу узнать того, что хочу. И даже не могу узнать, сколько ты им за их услуги платишь, потому что ведомостей нет.

Ну ничего не могу узнать!

– Не можете. Вышестоящий начальник не должен знать фамилии осведомителя. Только кличку, – объяснил элементарные правила оперативной работы Зубанов.

– Почему не может?

- Начальники часто меняются. И уходят в отставку.
- Я тот начальник, который не может смениться. И не может уйти в отставку!
- Все равно. Правила должны быть едины для всех!
- Кремень ты, полковник.
- На том стоим.
- Что еще?
- Существенного ничего. Ничего, с чем бы я не мог справиться своими силами.

* * *

- А как твои бывшие... Заикины?
- Затихли братья. Как и все остальные.
- Затихли, говоришь? Что-то я в эту тишину не очень верю. Затихшее, оно перед бурей бывает.
- Буря будет. Как не быть. Но не сейчас. Позже.
- Откуда знаешь?
- Знать – не знаю. А тенденцию просматриваю. Очень отчетливую тенденцию.
- Куда ползем?
- К войне ползем. И переделу мира. В общем, ситуация как перед Первой мировой войной. До выстрела в Сараеве.
- Думаешь, будет выстрел?

– Обязательно будет. Когда ситуация вызывает – стрелки непременно находятся.

– Что делить будем? Войной.

– Сферы влияния.

– Это я без тебя знаю. Меня интересует, что конкретно делить? Чтобы пораньше встать и к пирогу первым поспеть.

– В первую очередь транспорт.

– Почему именно транспорт?

– Исходя из сложившихся климатогеографических и экономических условий региона.

– Ну-ка поясни.

– Восемьдесят процентов сырья завозится в регион извне. То есть из других регионов и из-за границы. Транспортом завозится. В первую очередь железнодорожным.

– А почему не другим?

– Другого практически нет. Аэропорт маленький, взлетно-посадочных полос всего две. И те – ни к черту. Большие «грузовики» на них не посадить. Они просто-напросто бетон крошат.

Остаются автомобили. Но их в расчет можно тоже не принимать. Дороги плохие, узкие, без развязок. Двум большегрузам нормально не разминуться. Серьезный грузопоток по ним не пропустишь. Пупок надорвешь.

– Значит, говоришь, остается только железка?

– Только. Тот, кто будет держать железку, будет держать за кадык всю торговлю. Потому что хочешь – не хочешь, а

товар надо привозить. Всем надо!

Тот, кто подгребет под себя транспорт, будет назначать цены. Будет заказывать музыку.

– Красиво мыслишь, полковник! – восхитился Хозяин. – Я этот ребус два года решал, все никак решить не мог. А ты без году неделя пришел и разом все просчитал. Молодец!

Зубанов не выразил бурной радости по поводу высокой оценки его умственных способностей. Не было ничего сверхъестественного в этом, как выразился Хозяин, ребусе. На работе, на прежней работе, на настоящей работе, полковнику приходилось каждый день такие задачки решать. И не чета таким.

– Добро, полковник, – сказал Иван Степанович. – Раз ты такой умный, поедешь со мной завтра на одну встречу.

– Сколько охраны брать?

– Нисколько не брать. Туда, куда мы поедем, охрану не допускают. За порогом оставляют. Мне завтра тебя одного довольно будет. Да и ты не столько телохранителем, сколько консультантом поедешь. Слишком ты умный, чтобы просто пистолетом размахивать. Пора тебя к более серьезным делам приспособливать.

Глава 10

– Готов? – спросил Иван Степанович.

– Нищему только подпоясаться... – показал полковник на переброшенную через пояс сбрую, на которой болтался пистолет.

– Ты, конечно, нищий, – кивнул Хозяин на возвышающееся сзади здание, огороженное трехметровым забором.

– Это лишь средства производства. Так сказать, станок... – Токарно-револьверный, – ткнул в кобуру Хозяин. – Ладно, садись. Станочник... Зубанов сел в машину. На непривычное ему заднее сиденье.

– Поехали-Ехали недолго. Потому что в центр города. В самый центр. К бывшему горкому партии, где теперь помещалась городская администрация. Начальство, хоть то, хоть другое, хоть третье, не желало покидать обжитые еще красными комиссарами места.

Хозяин и его главный охранник вошли в здание, без окрика миновали пост милиции и прошли в конференц-зал. Зал был полон. Не самыми последними, если судить по покрою пиджаков и вельможным взглядам, людьми. Людьми выше среднего достатка. Запредельно выше.

– Здоров, Степаныч!

– Привет... – Как дела?..

Похоже, Хозяина здесь все знали как облупленного.

– Сядь пока здесь, – сказал он.

– Зачем?

– Затем. Сиди и жди меня.

Хозяин оставил своего охранника и пошел мимо рядов кресел в президиум. Однако – в самый президиум! Каждый сидящий за добротным, еще времен неначавшегося застоя, столом президиума отрывал свой сановитый зад от стула и тянул навстречу идущему руку.

– Здорово... – Как жизнь?..

– Хорошо выглядишь... "Высоко летает Хозяин, – подумал полковник. – И высоко сидит. По правую руку от главы администрации».

– Прощу тишины! – постучал по столу ручкой председательствующий. – Слово предоставляется главе городской администрации уважаемому Петру Андреевичу.

Ты смотри – ни здарсьте не сказал, ни до свидания, ни по какому поводу собралось высокое собрание. Видно, здесь все свои.

Зал вяло захлопал.

Петр Андреевич поднялся на трибуну, развернул листы и... полтора часа читал доклад по поводу тяжелого времени, которое переживает страна, их регион, их отдельно взятая область и расположенный в ней город.

Он говорил о нехватке денег в городском бюджете, срыве поставок, неплатежах, невыплатах зарплаты и пенсий, соци-

альной напряженности, разногласиях с центром и всем прочем в этом роде. Как будто сидящие в зале всего этого не знали. Как будто они только сегодня утром приехали из благополучного во всех отношениях Лондона.

"Ну дает! – поразился полковник главе администрации, который полтора часа обличающим все и вся тоном расписывался в собственной нерадивости и служебной некомпетентности. – Ну молодец! Работает по принципу: кто раньше крикнет: «Держи вора!» – тот, значит, и главная жертва».

Полковник не жаловал современных политиков, разваливающих и растаскивающих под рокот речей о демократизации великую некогда державу. Зубанов начинал и строил свою карьеру еще в Комитете государственной безопасности и потому лучше, чем кто-либо другой, знал негативные стороны социалистического строя. И знал ведущую и направляющую роль партии в развитии этого негатива.

Но, с другой стороны, он был твердо уверен, что такую гигантскую, может быть, самую гигантскую за всю историю человечества империю без узды оставлять Нельзя. Не суть важно, кто будет выполнять роль узды в текущий исторический период – опричники, Третье охранное отделение, ОГПУ или КГБ и кто будет держать узду в руках – бояре, всея Руси Государь Император или Коммунистическая партия. Важно, что кто-то должен. Иначе неизбежны смута, разор и большая кровь. Очень большая кровь... – ...Спасибо за внимание, – закончил докладчик перечисление своих жалоб.

Зал отозвался вежливыми аплодисментами. Следующим докладывал начальник соцобеспечения. Он повторил слово в слово то же, что Глава, но применительно к своему департаменту. Он сказал про дефицит бюджета, умирающих в муках голода стариков и хроническую задержку пенсий.

За ним был начальник, отвечающий за образование, – неплатежи, задержки, обмороки преподавательского состава и хроническое недоучивание учащихся.

Здравоохранение. Здесь вообще катастрофа. Потому что нет денег, нет медикаментов, нет надежды на деньги и медикаменты, есть только больные. Которые недоедают, и отмечены уже отдельные случаи дистрофии.

Последним был полковник-летун с пропеллерами на лычках.

– Армии тоже тяжело – сказал он. – Самолетам не хватает горючего, танкам – запчастей. Но самолеты и танки – это железо, которое может подождать. Другое дело – семьи погибших военнослужащих и солдаты срочной службы, которые недополучают калорий, отчего в частях имеют место голодные обмороки... – Слово предоставляется известному в нашем городе коммерсанту, председателю городского правления Ассоциации предпринимателей Ивану Степановичу Боровицкому.

Интересно, что может сказать Хозяин по текущему моменту? Ему вроде не с руки жаловаться на неплатежи, вызванную этим нехватку денег и голодные обмороки. Его

особняк на виду у половины города. А другой особняк – у другой половины. Он в отличие от глав администраций задержек выплат не допускает. Ему деньги несут исправно и в срок. А кто не несет, тот очень сожалеет о допущенном финансовом разгильдяйстве. И быстро покрывает недостачу. В двойном размере.

Если они хотят услышать о том, как бороться с неплатежами, то в этом вопросе Хозяин может помочь. В борьбе с неплатежами он большой специалист. В чем полковник уже имел возможность убедиться.

Что же он будет – жаловаться или учить?

Иван Степанович не стал жаловаться. И не стал никого учить. В отличие от предыдущего оратора он был совершенно конструктивен и предлагал вполне конкретные шаги.

– ...Мы, предприниматели и бизнесмены, не можем оставаться в стороне от проблем народа, обозначенных здесь главой администрации и руководителями департаментов. Мы тоже народ. И тоже не всегда были зажиточны и хорошо знаем, что такое голод.

Я предлагаю не обсуждать больше данную тему, а наметить ряд конкретных мер по оказанию помощи наиболее нуждающимся категориям населения – пенсионерам, инвалидам, детям-сиротам, военнослужащим.

Лично я могу взять на свое попечение один детский дом и одну воинскую часть. А также готов продумать ряд мер по изысканию дополнительных финансовых возможностей,

которые позволяют пополнить городской бюджет.

Спасибо.

Раздались жидкие хлопки. Сидящие в зале напряженно искали истинный, скрытый в сказанных с трибуны словах, смысл. Они не были настолько наивны, чтобы принять все за чистую монету. Они знали, что докладчик никогда не отличался мотовством, чтобы за просто так раздаривать деньги детским домам. Во всем этом таился какой-то двойной смысл. Причем корыстный смысл.

Вот только какой?

– Прошу слова, – встал с места глава городской администрации. – В целях организации более действенной и планомерной работы в деле помощи нуждающимся категориям населения я предлагаю организовать при городской администрации специальную комиссию. И хочу просить возглавить эту комиссию, на общественных, естественно, началах, мною высокоуважаемого Ивана Степановича.

Прошу проголосовать. Кто за... – Так вот она в чем собака зарыта! – негромко сказал в зале один из предпринимателей. – Похоже, Боров к казне подбирается. И похоже, на пару с Бугром... Зубанов включил спрятанный в кармане диктофон. Он всегда таскал его с собой, потому что отвечал за безопасность. Диктофон для него был таким же обязательным предметом повседневной экипировки, как пистолет в заплочной кобуре. В чем-то даже более важным, если судить по частоте использования. Пистолет полковник применял по

назначению всего несколько раз, а диктофон включал постоянно, когда дело доходило до переговоров, угроз или передачи ценной информации. Многократное прослушивание записанных на пленку переговоров позволяло проанализировать их в спокойной обстановке, понять по репликам, кто есть кто, определить по тону голосов степень волнения говоривших. Кроме того, на пленке оставался компрометирующий собеседника материал, если тот, к примеру, позволял себе сказать больше, чем следовало, или осмеливался угрожать. Впоследствии эта систематизированная и увязанная с другим фактическим материалом запись могла стать решающим аргументом в решении того или иного спора.

Работа службы безопасности в том и заключается, чтобы собирать информацию. Где угодно, как угодно, с помощью чего угодно. Собирать и систематизировать. И снова собирать.

Теперь полковник записывал реплики, неосторожно разбрасываемые в зале коллегами Хозяина по бизнесцеху. Пусть он послушает, что о нем думают и как его судят.

– Не станет Боров деньги просто так разбрасывать... – Похоже, новую жилу разрабатывает... – Крутит. Юлит Степаныч. В подельники к администрации идет. Не иначе весь город под себя подгрести надумал. Если весь город, то зубы обломает... – Его давно пора на место поставить. А то разогнал... Шептались, возмущались, грозили бизнесмены.

– Разрешите от лица администрации и от себя лично по-

здравить вас... Избрали все-таки. А в рядах грозились прокатить, чтобы неповадно было. Пока не дошло до поднятия рук, которые очень хорошо видно из президиума... Похоже, для того это собрание и проводилось, чтобы Хозяина на должность посадить. А раз так, то затевается какое-то очень крупное дело. Непонятно только какое... Собрание закончилось, президиум рассосался, статисты, поднимавшие руки, разошлись. В зале продолжал сидеть один Зубанов. Как голый не в бане. Зубанов привык исполнять приказы буквально. Если ему сказали ждать, значит, надо ждать. Пусть даже до завтрашнего утра ждать.

Хозяин заглянул в зал только через сорок минут.

– Пошли, – сказал он.

– Куда?

– Там увидишь куда. Диктофон с собой? Полковник прихлопнул ладонью карман.

– Тогда пиши. Мне тут одного их чудака за горло взять очень желательно. Так что ты пиши. В разговоре не участвуй, если что спросят, поддакивай. Главное – пиши! В этом здании – все пиши!

Началом разговора Зубанов разочаровался. Разговор был не с Бугром, как он ожидал, а с какой-то мелкой сошкой – с помощником главы администрации по третьестепенным вопросам. Правда, сам помощник был никакой – помесь вальяжного администратора с уркой.

Но, с другой стороны, вряд ли он на самом деле был тре-

твѣй степени. С таким Хозяин встречаться не стал бы. Да и Бугор к Хозяину такого посылать не стал бы. Значит, не так все просто и однозначно в этом вопросе... – Кто это? – первое, что спросил помощник, бросив взгляд на полковника, вошедшего в кабинет.

– Мой новый компаньон, – ответил Хозяин, сильно завышая Зубанова в чине.

– Значит, можно не напрягаться, – свободней вздохнул помощник и, растянув ошейник галстука, упал в кресло. – Короче, сегодня базар будет только за город, – сказал он.

– Но... – Бугор велел передать – пока только за город. Остальные вопросы в проработке.

– Хорошо. За город так за город. Я согласен. Что сказал Бугор, за город? – быстро подлачился под предложенный стиль Хозяин.

– Бугор сказал, что проблем нет. Если, конечно, есть бабки.

– За бабками дело не станет. Аванс переведен на счет общественной организации «Благотворительность – неимущим».

– Тогда все тип-топ.

– Кроме бумаги.

– С бумагой все тоже ладом. Бумага застряла на согласовании. Все дают свою мзду. Но против Бугра они не попрут. Подмахнут как миленькие. Куда им против него деваться?

– Когда?

– В самые ближайшие дни. Бугор уже договорился с архитектурой, памятниками ну и, конечно, с ментами. И уже подготовил соответствующие постановления о... – Помощник открыл папку:

– Зачитываю дословно – «Постановление 217. О реконструкции центра города с целью сохранения памятников архитектуры и исторического облика города». И еще одно: «Об упорядочивании торговли в центре города в связи с постановлением номер 217». Лихо?

– Лихо.

– Как только пройдет документ, Бугор издаст дополнительные распоряжения, и менты сметут из центра все ларьки и мелкие магазинчики. В целях сохранения старины... А ты построишь те же ларьки и магазины, но вписывающиеся в исторический пейзаж. А ты знаешь, сколько этих ларьков?!

– Знаю. Больше полутора тысяч.

– Так много? – удивился помощник.

– Меньше, чем мы уговаривались вначале.

– Тебе, похоже, центра мало. Ты, похоже, весь город забрать хочешь.

– Не весь. Столько, сколько договаривались. А мы договаривались больше.

– Бугор тоже не господь бог. Ему с районами делиться надо. Это в том числе и их территория. Районам тоже кушать хочется... Полковник только головой покачал.

Эффектную комбинацию провернул Хозяин! Разом убрал

со своего пути полторы тысячи конкурентов! Причем без всяких там наездов, «стрелок» и тому подобных выяснений отношений. Одним росчерком пера убрал. Руками администрации и милиции, которая будет вышвыривать продавцов с насиженных мест, высвобождая их для него, Хозяина. Он же, если все пройдет гладко, весь центр под себя подомнет! Вначале киоски и мелкие магазинчики, а потом, сбив цену в окружающих торговых точках до нижних пределов, и всех остальных.

Круто забирает Хозяин... – Бугор спрашивает за выборы, – напомнил помощник.

– Передай ему, что за выборы голова у него пусть не болит. Выборы мы сделаем как надо. Нам его терять тоже резона нет.

– Передам.

– И это передай, – выложил Хозяин на стол приличный по объему и весу пакет. – Здесь то, что не прошло по счетам.

– Добро, – кивнул помощник, перебрасывая пакет на стол.

– Тогда все?

– Все. Пока.

Хозяин встал и пошел к двери. И Зубанов встал и пошел.

– Куда теперь? Домой? – спросил полковник, выйдя из кабинета в коридор и плотно прикрыв дверь.

– Нет. Теперь в приемную.

– В какую приемную?

– Главы администрации.

– Как главы? Мы же только что все обговорили... – Тертый ты мужик, полковник, но в некоторых вопросах чистый допризывник. Черпак. Кто же серьезные разговоры напрямую ведет? Бугор не дурак, чтобы подставляться. Чтобы самому языком перед твоим диктофоном тренькать.

Сам он о деле никогда не скажет. Потому что очень тертый калач. Потому что на три раза вокруг страхуется. Там, где дело пахнет дурно, мелкую сошку вперед выставляет. Вроде этого третьего помощника. И через них всю информацию доводит. И получает. Без всякого для себя риска. Если что случится – сошка все на себя возьмет. И по полной программе оттянется. А Бугор опять в стороне.

Нет, сам Бугор ни одного лишнего слова не скажет – одни только правильные, по бумажке. К которым никакому прокурору не прикопаться. И никакому конкуренту. Тут, брат, – политика. Понял?

– Теперь понял.

– А раз понял, пошли. К Бугру пошли... Вблизи глава администрации был очень прост и демократичен. Как и положено насквозь демократизированному руководителю нового поколения. Он даже встал из-за стола, чтобы приветствовать вошедших.

– Очень рад, – сказал он, – что вы, Иван Степанович, так конкретно откликнулись на животрепещущие проблемы нашего города.

– Мы, бизнесмены, не можем оставаться в стороне от про-

блем города, в котором мы живем, — в тон ответил Хозяин.
— Садитесь.

Сели.

Далее Бугор и Хозяин говорили о самых насущных для города делах.

О помощи детям-сиротам и домам инвалидов, которую, наверное, удобнее всего осуществлять через попечительскую общественную организацию «Благотворительность — неимущим», возглавляемую главой города. Потому что она не облагается налогами, что сэкономит детям и инвалидам дополнительные средства.

Это понятно.

О том, что пора наконец позаботиться о внешнем облике родного города, в том числе о реставрации его исторического центра.

Здесь тоже все ясно.

О слишком высоких ценах, запрашиваемых оптовиками с детских садов, школ и тому подобных бюджетных организаций за продукты питания, мебель и другие товары. Что лучше один, но надежный поставщик, чем сто непонятно каких. И что если бы такой поставщик нашелся, то город всячески бы его поддержал.

Тут тоже не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, о чем идет речь. О неестественной монополии идет. Видно, крепко переплелись и перевязались дела Хозяина и Бугра, если тот отдает такой лакомый кусок.

В завершение разговора речь пошла об армии, которая квартировала на территории города и ближних к нему пригородах, которая еле сводила концы с концами и беды которой были близки сердцу городского головы.

Все, что было до того, полковник понял. О чем зашла речь теперь – нет. Связать воедино армию, Бугра и Хозяина так, чтобы при этом было выгодно и Хозяину, и Бугру, он не мог. О Третьей стороне – об армии – речь не шла. Работая охранником у братьев, а теперь здесь, на новом месте, полковник давно разуверился в каком бы то ни было альтруизме и даже просто деловой порядочности. Честные в этой жестокой за рынки, деньги и связи сваре не выживали. Честные разорялись первые, благодаря чему проходил естественный отбор сильных и слабых.

Полковник, работая на удачливых, был вынужден мыслить единственно возможной для них и для сложившейся экономической и политической ситуации категорией: ты мне – я тебе. И мы оба – ему. Полковник принял условия существующей игры и именно поэтому в своей работе почти никогда не ошибался.

– Армии сегодня тяжело как никогда, – сказал глава администрации. – Командиры жалуются, что дошло до того, что нечем кормить личный состав.

– Я готов помочь и выделить единовременную помощь... – Спасибо вам. Но единовременной помощью проблему не решить. Ведь, кроме военнослужащих, есть еще ветераны

Вооруженных Сил, инвалиды, воины-интернационалисты, родители и вдовы погибших при исполнении воинского долга, наконец. Все они в той или иной мере имеют отношение к армии. И все нуждаются в нашей помощи.

– Всем помочь затруднительно.

– Я считаю так же. Я считаю, что одномоментны¹ ми благотворительными акциями дело не поправить. Надо изыскивать постоянные источники поступлений для перераспределения их в пользу нуждающихся военнослужащих и воинов-ветеранов. Более того, я имел беседы с командирами нескольких воинских частей, и они во многом разделяют наше с вами мнение. И готовы чем возможно помочь. Я предлагаю вам, как председателю вновь образованной комиссии, проработать данный вопрос с командирами дислоцированных на территории нашего города подразделений. Со своей стороны я обещаю всяческую помощь и содействие в любых по данному вопросу начинаниях. Соответствующее постановление подготовлено и будет подписано мной в самое ближайшее время... Все равно ничего непонятно. Ну совершенно ничего!

– Спасибо... Очень был рад поговорить лично... До свидания!

Глава 11

– Сегодня вечером. В девять. У Старого... – В девять. Только приходи обязательно. Надо перетереть один вопрос... – Старый предложил у него. Сегодня. В девять... – Соберутся все. Пора наконец что-то решать... Это собрание было не такое представительное, как в администрации. Но было ничуть не менее значимым. Возможно, даже более значимым, потому что в узком кругу собрались избранные лица. Те, которые реально управляли городом, поделенным на много неравных и неравноценных, но все равно приносящих доход участков. Официально – на районы. Неофициально – на вотчины.

На этом собрании не было председателя, президиума, докладчиков и регламента. На этом собрании все были равны и все имели право высказаться.

– Боров борзееет все больше, – сказал один. – Мало, что он прибрал к рукам рынки, он хочет выбить нас из центра города. Он хочет взять весь город!

– Он не сможет взять весь город. Это слишком большой кусок.

– Мы думали, что он не сможет взять рынки. Где теперь эти рынки? Если он взял рынки, он сможет взять город!

– Он берет столько, сколько ему позволяют брать. Мы поз-

воляем..

– Хватит базарить вокруг да около. Пора говорить по делу, – перекрыл общий гомон властный голос. – Кто хочет сказать по Борову?

– Я скажу по Борову.

– Говори, Старый.

– Я скажу по Борову, потому что я здесь самый старый и потому что я знаю его дольше всех и лучше всех. Я скажу, что знаю его раньше любого из вас. Когда он пришел в город, я уже имел здесь дело. Я имел здесь дело еще тогда, когда его не имел никто. Он пришел ко мне затем, зачем приходят все Он пришел с просьбой дать денег Я помог ему деньгами, хотя мог помочь кому угодно другому. Я помог ему, потому что думал, долг платежом красен.

– Он не отдал тебе денег?

– Он отдал мне все деньги до копейки и точно в срок. Но разговор не за деньги. Он прокрутил мои бабки и сделал втрое! Вы помните, как легко тогда делались бабки.

Собрание согласно закивало.

– Я не против того, чтобы делать втрое и даже вчетверо. Это не мой бизнес. Я не заглядываю в чужие кошельки, когда имею непустой свой. Я бы никогда не сказал за «втрое», если бы он не перебежал мне дорогу! Я бы радовался за него и вступил с ним в долю.

Но он не спросясь полез в мой бизнес! И не захотел в долю. Вы знаете тот мой бизнес. Это был не самый легкий биз-

нес, и каждый лишний человек сильно сказывался на доходе. Я перестал получать доход. Потому что его стал получать Боров. Боров полез в мой бизнес на заработанные с моей помощью бабки. Я ничего не имею против бабок, заработанных на мне, потому что имею с них свой интерес. Но я против заработанных на мне бабок, которые оборачивают против меня. Я против, когда меня душат сплетенной мною веревкой.

Тогда я нашел этого мальчика и сказал: «Зачем ты сделал то, что сделал? Я поднял тебя из грязи не для того, чтобы оказаться там самому. Зачем ты перебиваешь мой бизнес? Зачем ты толкаешь меня в грязь?»

Знаете, что он сказал мне в ответ? Он сказал, что делает то, что считает нужным. И что это уже не мой бизнес, а его бизнес. Но что он помнит за добро и за те деньги и готов купить у меня остатки товара вполчину, потому что они все равно пропадут. Я не продал товар, и он пропал. А Боров на том моем деле сделал себе первый капитал.

Я бы не стал вспоминать за те деньги и ворошить то, что поросло. Я имел с ним дела после и о нем ничего не могу сказать плохо. Но тогда он меня кинул.

Я бы не стал вспоминать за деньги, но сегодня я узнаю, как было тогда. Он пришел в город голым, а теперь пытается забрать нашу долю. Он хочет взять себе город.

Город не принадлежит Борову. Город принадлежит всем. Мы можем делить куски, но мы не можем взять и не можем хотеть взять всего. Боров хочет взять все, потому что

взял большую часть. Ему нельзя давать остальное, чтобы не остаться без всего. Лучше война, чем так. Я за войну.

– Кто еще хочет сказать за Борова?

– Я скажу! Я не знаю Борова. Я не сталкивался с ним по делам. И поэтому он меня никогда не кидал. Я не могу сказать о нем ничего плохого. И не могу сказать ничего хорошего. Но я хочу сказать о том, что узнал.

Я узнал от своего человека, что администрация готовит постановление об упорядочивании торговли в центре города. И реставрации центра города. Главным подрядчиком реставрации будет... – Он?!

– Он! Боров. За это он получает эксклюзив в торговле.

Присутствующие зашумели.

– Что это такое, вы все понимаете. И я понимаю. Он вышвырнет нас из центра, как нашкодивших котов. Вначале вышибет слабых, которые кормятся с киосков. Потом более сильных, которые держат магазины, не вписывающиеся фасадом в облик старого города. Вы понимаете, о чем я говорю. Потом он на месте наших поставит свои магазины и рестораны и сбросит цены. Он будет торговать везде и поэтому сможет это себе позволить. В наши магазины и рестораны перестанут ходить. Он перехватит покупателя и разорит нас.

Он заодно с Бугром. Я не знаю, что их объединяет, но я знаю, что Бугор проталкивает постановление о реставрации и упорядочивании торговли. Это кое о чем да говорит. И поэтому, вы сами их видели сегодня вместе.

Бугор подгребают под себя центр. Центр станет его. Нам останутся окраины. Пока окраины. Если его не остановить теперь, мы его не остановим никогда. Он заберет у нас и окраины. Нам надо объединяться. Всем против одного. Сейчас или никогда. Потом будет поздно.

Я тоже за войну.

– Кто еще?

– Я скажу в защиту Борова. Я согласен, что он кидает. Но кто из нас не кидал? Он загребают центр? Но кто бы из нас отказался от центра? Никто не отказался. Он водит дружбу с Бугром? Я бы тоже хотел иметь его в приятелях. И каждый из вас хотел бы. Просто он может, а мы нет.

Он не хуже и не лучше нас. Он такой же, как мы, и живет по тем же законам, как мы. Но он сильнее нас. И это главное противоречие между ним и нами. Он сильнее – мы слабее.

Собрание недовольно загудело.

– Я понимаю ваше недовольство, но это истина. И каждый из вас это понимает. Вы ненавидите не его – его силу и удачливость. Я тоже завидую ему, но без ненависти. Я хотел бы походить на него, но не могу. И вы не можете.

Мне нравится Боров.

Но я тоже голосую за войну. Именно потому, что он сильнее и удачливее нас. Мы против него бессильны. И значит, рано или поздно он подомнет наш бизнес. В том числе и мой бизнес. Я уважаю силу, но я вынужден защищать свои интересы.

Я за войну.

– Я тоже скажу.

Но вначале задам вопрос – зачем он собрал нас у Бугра? Зачем ему понадобилось напихивать нас в зал, где сам он сидел не с нами? Где он сидел в президиуме. Он хотел показать свой союз с властью? Подчеркнуть свою силу и нашу слабость? Продемонстрировать, кто мы и кто он?

Зачем ему было демонстрировать свою силу и свою дружбу с Бугром? Чего он этим добивался?

Я скажу чего. Демонстрацией своих сил и возможностей он добивался нашей покорности и признания его главенства. Он требует отдать ему центр города! Без боя отдать. На том собрании он поставил нам ультиматум. Через несколько дней мы бы все равно узнали о постановлениях администрации. Но он не стал ждать несколько дней. Он решил усилить удар демонстрацией своих дружеских отношений с Бугром.

Он поставил нам ультиматум.

Нам не надо объявлять ему войну. Он уже объявил нам войну. Не мы – он!

Я тоже за войну. Не потому, что ее хочу. Потому что она уже началась и уже идет.

Я за войну!... Свое слово сказали все. И все сказали за войну!

Слишком много любимых мозолей потревожил Боров своими необдуманноными шагами. Или, наоборот, очень обдуманными. Не суть важно. Боров решил урвать не принадле-

жащий ему кусок, решил заграбастать центр и, значит, должен был знать и должен был быть готов получить войну. Если Боров хотел получить войну – пусть он ее получит.

Если война – то пусть будет война!

Глава 12

– На этот раз опасность... сзади! – скомандовал Зубанов.

Три телохранителя мгновенно взяли «объект охраны» в коробочку, придавив с трех сторон своими телами. Выдержали, устали в пространство пистолеты и так, не рассыпаясь, стали быстро смещаться в сторону машины.

– Пошел Шестой, Седьмой, Восьмой и Десятый, – тихо сказал в рацию полковник.

Из-за искусственно нагроможденных из старых автомобильных покрышек препятствий выскочили бойцы с пистолетами и, смещаясь из стороны в сторону, побежали к телохранителям и оберегаемому ими «объекту».

Их заметили сразу и открыли ураганную стрельбу.

На поражение. Нападающие ответили тем же. Резиновые пули больно врезались в тела телохранителей. Очень больно. Потому что после прошлой тренировки на телах остались кровоподтеки и огромные синяки.

Пули били в не защищенные бронежилетами части тела, но никто из телохранителей не отступил в сторону. Они «умирали», продолжая выполнять свою работу. Продолжая защищать «объект». Они действовали так, как должны действовать настоящие телохранители.

– Первый убит. Третий убит! – дал новые вводные Зуба-

НОВ.

Два «погибших» телохранителя упали на землю. Выживший в перестрелке Второй, сбросив пустую обойму и загнав на ее место новую, выцелил наиболее опасного нападавшего и нажал на спусковой крючок.

Выстрел!

Выстрел!

Продолжая вести стрельбу, Второй дотолкал «объект» спиной до машины и впихнул его в салон. Машина сорвалась с места.

– Стоп! – крикнул Зубанов и посмотрел на секундомер.

Весь бой длился всего несколько секунд. • – У мне два попадания, – сказал один из нападавших.

– У меня три.

– Тоже три.

– А я вообще изрешечен. Я как сито, – показал на свой комбинезон Восьмой. – Пять попаданий.

– Итого... – подвел итог Зубанов. – Тринадцать поражений. Лучше, но все равно плохо. Придется повторять. Завтра повторять.

Бойцы поморщились. Не самое большое удовольствие, когда в тебя стреляют резиновыми пулями.

– На мне уже живого места нет, – пожаловался один из «убитых» телохранителей. – Зато в бою останутся, – напомнил суворовский девиз полковник. – Ладно, на сегодня все. Пошли в парилку.

В парилке бойцы, подсахатывая, рассматривали свои разноцветные тела.

– Нет. Это не от пули, – разбирал один следы на своем теле. – Это от его кулаков, – показывал на своего не менее цветного товарища. – А у него от моих.

– Ух, здорово! Хорош парок! В отличие от пулек. – В Кандагаре помните парилку? С минометными осколками в шайках. Помнишь, командир?

– Как не помнить? Если памятка всегда при себе, – показал Зубанов на шрам на ноге.

В парилке чужих не было. Были свои. Однополчане. Все те, кто не пришелся ко двору новым руководителям Безопасности и был собран здесь полковником. Те, с кем он вместе тянул лямку службы и был не на одном боевом задании.

– А на Ямале помнишь? На учениях. После того как тундру полторы недели животами грели. Вот где банька к месту пришлась!

– Ты еще Африку вспомни.

– А что Африка? Та же парилка. Только очень большая.

– И без пара. Потому что без воды.

– Ты еще скажи, что Ямал лучше.

– Конечно, лучше.

– Чем?

– Холодом!

– О вкусах не спорят... Полковник Зубанов лежал на полке, и ему было хорошо. Так хорошо, как давно не было. Как с

самой отставки не было. Звучали знакомые голоса, которые говорили о совершенно понятных и памятных вещах. Говорили о прошлом, которое словно по мановению волшебной палочки стало настоящим. Они снова были вместе и снова ради дела.

Ему было хорошо, но почему-то немного тревожно.

Непонятно тревожно.

– Ладно, будет, пошли на воздух, – сказал полковник.

Бойцы вышли в предбанник и из него к накрытым столам.

– Хорошо живешь, командир.

– Как работаю – так и живу. Лопайте, пока дают. Выпить и закусить бойцы были не дураки. Хотя свою боевую норму знали.

– Предлагаю тост: «За нас!»

– И за полковника.

– И за полковника. Короче, за всех. Выпили. Крякнули. Закусили.

– Разжирели вы, я гляжу, на гражданских харчах! – показал Зубанов на округлившиеся животики своих бойцов.

– Это не животы.

– А что?

– Это носимый аварийный запас.

– Ха-ха-ха.

Снова позубоскалили. Снова выпили. Переглянулись. Подмигнули друг другу.

Все было очень похоже на то, что было всегда. Те же лю-

ди, те же разговоры. Те же шутки. Та же дневная работа в спортзале, в тире и на полосе препятствий.

Но хотя внешне все было как всегда, все было иначе. Похоже – но иначе. Это понимали все. Те, кто не понимал, – чувствовал. По общей атмосфере чувствовал. Люди были те же самые, и лица были похожи, но это были лица уже других людей. Потому что собрались они здесь для совсем другого, чем раньше, дела.

Это ощущали все, и поэтому все больше шумели и все чаще разливали водку, чтобы шумом и весельем заглушить тревожную нотку.

– Ничего, мы еще покажем, где раки зимуют! – стучали стаканами бойцы. – Мы еще повоюем... – С кем повоюем?

– Хоть с кем повоюем! С кем командир скажет – с тем и повоюем. Мы еще таких дел наворочаем... Полковник Зубанов пил водку, закусывал, смотрел на своих бойцов и все больше мрачнел. Он видел перед собой людей, которых хотел видеть и которых собрал со всей России в этот дом. Он вытаскивал их с работ, выманивал из постелей жен, отрывал от детей. Он обещал им большие, каких они не видели на своих работах, оклады, обещал квартиры и прочие, которые можно купить за деньги, блага. Но они пошли не за деньгами, они пошли за ним, за своим бывшим командиром. Пошли, потому что верили ему. Верили в то, что он знает, куда их поведет.

И полковник верил. Верил в то, чего на самом деле не бы-

ло. Он думал, что собирает ветеранов для совместного дела, не сформулировав суть этого дела. Наверное, он обманывал сам себя. И наверное, обманывал их. Потому что дела как такового не было. Сейчас, видя своих бойцов рядом, это понял отчетливо. Он мог собрать людей, но он не мог собрать подразделение. Подразделения бывают только у государства. Не может быть подразделений у частного лица. Потому что у частного лица не может быть армии.

Не может быть армии у частного предпринимателя Боровицкого!

Не может!

Раньше, когда они парились в банях и пили водку, это был отдых после успешно проведенной боевой операции. После выполнения приказа, который им устами вышестоящих командиров отдало государство. И который они с честью выполнили. Это была настоящая мужская работа, которая была нужна всем.

Теперь эта работа была нужна только им.

Раньше они дрались за идею. Не важно какую, важно, что общую. Объединяющую их всех в единое целое. Они были вместе и служили одному богу, наместником которого на земле был командир.

Раньше они были подразделение. Теперь только нанятые на работу граждане. Охранники.

Возврата к прошлому не случилось. Потому что возврата к прошлому не бывает. Как бы того ни хотел и какие бы уси-

лия к тому ни прилагал полковник в отставке Зубанов.

В прошлое возврата нет. Что ушло, то уже ушло.

– Ты что? Ты что, командир, загрустил? – шумели бойцы. – Все будет нормально. Все будет лучше, чем нормально. Еще недельку-другую побегаем и сделаем тебе результаты по боевым нормативам. Даже лучше боевых... Брось, командир. Главное, что мы вместе...

Глава 13

- Собирайся! – коротко приказал Хозяин по мобильному телефону.
- Кого брать?
- Полутяжей бери. И кого-нибудь из настоящих.
- Оружие?
- На всякий случай по полной боевой. Почти по полной.
- Когда быть готовым?
- Через пятнадцать минут. Через пятнадцать минут быть у меня.

Если через пятнадцать у Хозяина, то, значит, времени на сборы меньше – от силы десять минут. Десять минут и по полной программе.

Зубанов включил громкоговорящую трансляцию:

– Дежурной смене – боевая тревога.

Бойцы дежурной смены слетели с коек, на которых отдыхали, побросали кии в бильярдной и ложки с недоеденным пловом на кухне, в чем есть выскочили из парилки и, даже не вытираясь, натянули на себя одежду.

Зубанов вытащил из сейфа «Макаров», мгновение подумал и вытащил предназначенный для более серьезных дел «стечкин». Раз по полной боевой – значит, по полной. Через минуту полковник был у оружейки.

– Что брать? – спросили бойцы.

– Третий комплект.

Третий комплект было серьезно. Третий комплект имел право выдавать только командир.

Зубанов своим ключом открыл дверь, ведущую в оружейку, и еще одну дверь, сваренную из толстых прутьев арматуры.

– Проходите.

Бойцы быстро, но не толпясь и не мешая друг другу, прошли в оружейку, вытащили из своих шкафчиков легкие бронежилеты, сунули в кобуры пистолеты и запасные обоймы, а в карманы электрошокеры. Большого они взять без дозволения командира не могли. Более тяжелое вооружение хранилось в специальном сейфе.

Полковник открыл ключом и с усилием растворил дверцу оружейного сейфа. Фактически небольшой, сваренной из толстого листового железа будки, равной по размеру торцу комнаты.

– Разбирайте.

Бойцы по одному вытаскивали свои «стечкины» и «кедры» и выбегали из оружейки. Двое взяли помповые ружья. Один «АКС».

– Все?

– Все.

Полковник уже почти захлопнул дверцу, когда увидел сложенные в отдельном ящике гранаты. Гранаты не входили

ли в третий боекомплект, но мало ли что... Подхватив три «эфки», полковник вышел в коридор, где стояли, поправляли амуницию, застегивали одежду бойцы.

– Проверить удостоверения и разрешения на ношение оружия, – приказал Зубанов.

К крыльцу подкатили две легковушки и микроавтобус.

– Пошли.

В резерве еще оставалось почти две минуты.

«Что же случилось? – напряженно думал в машине полковник. – „Почти по полной“ – это серьезно, это на хороший бой. Такого выезда, кроме учебных тревог, еще не было. Что же там у Хозяина такое приключилось, что понадобилось использование тяжелого вооружения? Что?»

За минуту до назначенного времени машины въехали во внутренний двор офиса Хозяина; Тот уже был в машине. Зубанов и один из полутяжей перескочили из одной машины в другую, и кортеж выехал за ворота. Полковник сел рядом с Хозяином, чего обычно не делал. Его обычное место было на переднем сиденье рядом с водителем.

– Куда едем? – коротко спросил Зубанов.

– В аэропорт, – так же коротко ответил Хозяин, перебирая какие-то бумажки.

– В чем дело?

– Недоразумение с оплатой.

Больше он ничего разьяснять не стал, углубившись в бумаги.

Ну аэропорт так аэропорт.

Но поехали не в аэропорт. Вернее, в аэропорт, но совсем в другой. Не в гражданский. Поехали на военный аэродром, что располагался в пятидесяти минутах быстрой езды от города. Но на этот раз приехали за сорок. Когда машины уперлись в шлагбаум, полковник забеспокоился. Все-таки режимный объект, а они лезут туда со своим арсеналом. Конечно, большая часть оружия проведена официально, но есть еще незарегистрированные «Калашниковы» и гранаты. Главное – гранаты. На ношение гранат милиция пока разрешений не выдает.

Зубанов повернулся к Хозяину – Не ерзай. Здесь свои люди. Все будет в порядке. И действительно, шлагбаум открыли и пропустили машины внутрь.

– Держаться головной машины, – приказал Зубанов по рации.

Водитель уверенно вел машину по территории части, то и дело поворачивая то вправо, то влево. Судя по всему, он ездил здесь не раз и хорошо изучил дорогу.

– Притормози.

В машину, приоткрыв дверцу, заглянул летун-подполковник.

– Где они? – На взлетно-посадочной. У ангаров. Командир тоже там.

– Добро. – Хозяин захлопнул дверцу, и «мерс» рванул с места.

Прокрутив еще несколько поворотов и проскочив еще один поднятый шлагбаум, «Мерседес» вылетел на взлетно-посадочную полосу и напрямую, разгоняясь, понесся к ее дальнему концу, где были видны полукружья ангаров, несколько стоящих военно-транспортных самолетов и машины возле них. Сзади, словно приклеенные, не отставая и не приближаясь, шли легковушки и микроавтобус охраны.

– На всякий случай приготовься, – предупредил Хозяин, когда показались самолеты.

– Всем боевая готовность, – продублировал приказ по рации Зубанов.

– Только пусть не высовываются раньше времени.

– Всем находиться в машинах, никаких самостоятельных действий не предпринимать. Как понял меня, Второй?

– Вас понял. Находиться в машинах до особого распоряжения.

– Правильно понял. Оставайся на связи. Машина остановилась почти под самым крылом «Ана». От хвоста, от раскрытого днища фюзеляжа, быстро прибавляя шаг, подходили люди. Несколько в парадной военной форме.

– Что делать мне? – обратился Зубанов к Хозяину.

– Тебе идти со мной. Тебе и обычной охране. Больше пока никому.

– Ближнюю охрану, – распорядился в рацию полковник.

Из стоящей сзади машины выскочили два полутяжа и «референты» с ноутбуками в руках, подбежали, открыли двер-

цу «мерса».

Первыми вылезли личный телохранитель и Зубанов. И лишь потом, под их прикрытием, Хозяин.

– Куда?

Впрочем, идти никуда не надо было. Те, кому это надо было, подошли сами. Первым – летун с погонами полковника, с ним еще несколько военных в летных комбинезонах.

– Что такое?

– Пока – мелкое недоразумение. Ваши люди отказываются принимать товар.

– Почему?

– Точно сказать не могу. Там что-то с упаковкой.

– Где они?

– Сейчас подойдут.

– Я сам пройду.

Хозяин сделал первый шаг, и его тут же с четырех сторон обступили полутяжи.

– Отлипните! Здесь не от кого меня прикрывать! – недовольно сказал Хозяин.

Телохранители отступили не более чем на полшага, вопросительно косясь на стоящего сзади Зубанова. Своего непосредственного начальника они боялись больше Хозяина.

– Ладно, пошли.

Но дойти до места не успели. С трапа сошли люди Хозяи-

на и какие-то бурно им что-то доказывающие южные братья. То ли казахи, то ли киргизы. А может, даже и китайцы. В общем, азиаты.

– В чем дело? – спросил Хозяин приемщиков груза.

– В упаковке и пломбах. Там почти у четверти контейнеров упаковка нарушена...

* * *

Хозяин взглянул на азиатов, на стоящих рядом летунов и переминающегося с ноги на ногу командира.

– Что здесь делают посторонние? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Это не посторонние. Это пилоты. Этого самолета.

– Тогда тем более. Им надо отдыхать. Есть и спать. Им еще обратно лететь.

– Но самолет?..

– Мы присмотрим за самолетом. Вы можете быть спокойны и идти. Вас проводит кто-нибудь из моей охраны.

Один из полутяжей придвинулся к пилотам и к командиру.

– Пройдемте, – улыбаясь, попросил он. Пилоты все поняли, развернулись и во главе с командиром по летному полю зашагали к комплексу хозяйственных и административных

построек.

– Еще раз, – приказал Хозяин.

– У четверти контейнеров повреждена упаковка. У нескольких сорваны пломбы. Я не могу принимать места, в целостности которых не уверен. У меня подотчет.

– А что они говорят?

– Говорят, контейнеры повреждены при погрузке.

– Да, да. При погрузке, – быстро закивали азиаты. – Товар очень хороший. Упаковка плохой. Дрянь паковка. Грузили вручную. Бензин нет – кран нет. Могли уронить немножко. Но товар все равно очень хороший. Продавец будет получать много денег. Продавец будет доволен... – Я не возьму поврежденные контейнеры, – заявил Хозяин.

– Нехорошо говоришь. Зачем так говоришь? Товар хороший. Паковка совсем дрянь. Нельзя не брать товар. Ты деньги не получишь. Начальник дома сердиться будет. Зачем не получишь, зачем сердиться за какой-то паковка?

– Неопломбированный и с битой упаковкой товар не возьму, – повторил Хозяин. – У меня нет гарантии, что он в полном наличии.

– Ай! Зачем не доверяешь? Такой хороший человек. Зачем я буду обманывать? Я же говорю, дурной грузчик контейнер ронял, доски сломал. Товар хороший. Товару ничего не случилось. Зачем обижаешь? Там все нормально, я тебе мамой клянусь. Хочешь – можем пересчитать здесь.

– Дома пересчитаете. Когда вернетесь. Здесь я ничего пе-

ресчитывать не буду.

* * *

– Ай, совсем плохо говоришь. Дома считать нельзя. Дома надо деньги отдавать.

– Разговор окончен! – обрезал Хозяин. – Мы оплачиваем целый товар. Остальной возвращаем. Начинайте разгрузку.

– Шутишь, да? Пугаешь? Зачем пугаешь? – засуетились азиаты. – Нам плохой товар обратно нельзя. Совсем нельзя! Мамой клянусь! Детьми клянусь! Нам совсем плохо будет.

К грузовому трапу подъехали автопогрузчики.

– Если плохой не берешь, лучше совсем никакой не бери. Мы в другое место поедem. Там все возьмут. И который чистый, и который сломанный. Не надо нам твои деньги. Погрузчик тоже не надо. Пилотов давай. Мы обратно лететь будем.

Несколько азиатов подбежали к погрузчикам. Забегали перед ними, замахали руками. Еще около десятка выглянули из самолета.

– Не надо грузить. Уезжай давай. Не обращая внимания на их суету, Хозяин прошел прямо к погрузчикам.

– Чего ждете? Начинайте разгрузку. Кроме битых контейнеров.

– Зачем говоришь грузить? Не надо грузить! Плохо делаешь, начальник. Мы не будем давать товар. Хочешь – бери все. Не хочешь – давай пилотов домой лететь.

– Пилотов не дам! Уговор дороже денег, – сказал Хозяин. – Я задаток платил. И целый месяц ждал. Целый товар заберу. Плохой – нет!

– Не надо брать товар, начальник! – с угрозой сказал главный азиат. – Задаток бери. Товар не дам!

– Дашь! Мне убытки покрывать надо. Аренду и транспорт. Мне не задаток нужен, мне товар нужен!

– Не делай так, начальник! Нехорошо будет. Совсем плохо будет, – с угрозой сказал главный азиат и что-то на своем языке крикнул в сторону самолета.

* * *

По трапу вниз быстро и бесшумно сбежали и выстроились полукругом его люди. У многих руки были в карманах.

Телохранители Хозяина мгновенно выдвинулись вперед. И тоже сунули руки за отвороты пиджаков. Полковник враз вспотевшей рукой нащупал ребристый бок гранаты.

«Что же он творит, Хозяин? Чего добивается? Зачем на рожон лезет? Ведь они за свой товар действительно... Ведь если они без него вернутся, с ними тоже чикаться не будут!..

Зачем Хозяину спорить за эти копейки, когда у него миллионы?...»

– Не надо ссориться. Отдай груз, начальник! – повторил азиат. – Очень тебя прошу!

Хозяин посмотрел на все готовых, но все равно продолжающих дежурно улыбаться побелевшими губами азиатов, на подрагивающие в карманах руки. И недобро ухмыльнулся.

– Зови своих, – сказал он тихо Зубанову. Полковник махнул свободной от гранаты рукой. Дверцы в машинах и микроавтобусе разом открылись, и на бетон взлетно-посадочной полосы горохом высыпались бойцы охраны. Они были одеты в разномастную гражданскую одежду, но их организованность и слаженность действий не оставляли сомнений, что каждый из них не по одному году служил в спецподразделениях. Мгновенно обежав замерших в готовности к броску азиатов, они замерли, недвусмысленно затолкнув руки глубоко под мышки.

– Драться хотите? – почти даже весело спросил Хозяин. – С нами на нашей территории?

Главный азиат быстро осмотрел поле боя и растянул губы в неестественно широкой улыбке. И все остальные, повторяя его мимику, расплылись в напряженных дружелюбных улыбках.

– Зачем пугаешь, дорогой? Зачем своих ребят позвал? Мы мирные торговцы. Мы тебе товар привезли. Хороший товар. Возьми товар, и разойдемся.

– Товар битый, – напомнил Хозяин.

Разговор вернулся к самому началу. Но продолжение начало уже не напоминало, потому что вокруг стояли, изготавившись к стрельбе, бойцы полковника Зубанова.

– Немножко битый – да, – согласился азиат. – Совсем немного. Грузчики уронили. Возьми груз. По гроб жизни Тебе благодарны будем. Честное слово! Детьми тебе клянусь. Возьми товар.

– Ладно, возьму, – неожиданно легко согласился Хозяин. – Но только за полцены. За полцены – возьму! У азиата забежали глазки.

– Зачем полцены? Полцены не говори. Полцены много! Покупали дороже. Дорого покупали. Детьми клянусь. Возьми четверть! Четверть уступлю.

– Четверть говоришь? Нет, на четверть не соглашусь. Если только на треть! Треть последнее слово, – сказал Хозяин. – Или... – Хорошо! Мы согласны.

– Разгружайте, – приказал Хозяин, резко разворачиваясь к машинам.

– А деньги? Когда деньги, начальник?

– Расплатитесь с ними, – кивнул Хозяин одному из помощников.

– Спасибо, начальник. Всю жизнь помнить будем, начальник. Детям расскажем... – шел рядом, мелко кланялся, лебезил главный азиат.

Хозяин сел в машину. Рядом с ним Зубанов.

– Бойцов оставить? – спросил полковник.

– К чему?

– На всякий случай.

– Не надо. Теперь они безопасны. Теперь они ручные.

– Зачем?.. Зачем было устраивать все это... с контейнерами и бойцами? Зачем было вначале обострять, а потом идти на попятную? – удивленно и даже с некоторым раздражением спросил Зубанов, когда машина выехала с территории части.

– Мне с ними работать. На постоянной основе работать, – ответил Хозяин – Тогда вообще ничего не понимаю. Если с ними работать дальше» то зачем было ставить их на место? Они никогда теперь не станут иметь с нами дело.

– Станут. Именно теперь и станут. И уже никогда не посмеют подсовывать бракованный товар.

– Но почему?

– Потому что национальные, религиозные и прочие этнические особенности. Малые народы уважают силу. У них там все держится на силе. И всегда держалось на силе. На баях, эмирах и султанах. На жестокости и грубости. Грубость – признак силы. Тот, кто не способен надавить на глотку и любым способом настоять на своем, теряет уважение. И тем теряет все.

Я сегодня надавил на глотку и доказал свою силу. Теперь они будут меня уважать и будут любить. Потому что я сильнее их.

– Значит, все это было специально?

– Абсолютно. Ты сам понимаешь, что целостность этих контейнеров мне была безразлична. И мое присутствие здесь было совершенно лишним. Это не те деньги, за которыми я должен нагибаться лично. Ими должен был заниматься максимум мой старший кладовщик. Те деньги, из-за которых здесь разгорелся сыр-бор, – не деньги. И спор, который ты наблюдал, – не денежный.

Это была мелкая провокация. Но с далеко идущими целями. Мне нужна была прививка против нечистоплотного ведения дел. В самом начале нужна. Потом было бы поздно. Я показал, что знаю, чего хочу, и не боюсь драки. Не боюсь драки, потому что в силе. Этим сегодняшним конфликтом я гарантировал бесперебойные и качественные поставки товара в будущем. Если бы сегодня я дал слабину, завтра они завалили бы меня браком. Потому что, если раз сглотил, почему и второй раз с рук не сойдет? И третий. И так далее... Я не пропустил малого брака и теперь застрахован от большого обмана.

Они придут ко мне еще раз. И еще много раз. Придут как к очень уважаемому человеку.

– А если не придут?

– Придут. Я им нужен больше, чем они мне. Потому что у них товар, который там некому покупать. А у меня почти неограниченные рынки сбыта. Они будут со мной торговать. И будут очень уважительно торговать. С подбострастными

поклонами.

– Но и ненавидеть?

– Обязательно ненавидеть. Азиатская любовь и почитание замешаны на страхе. И значит, на ненависти. У них уважения без страха и ненависти не бывает. Пусть ненавидят, лишь бы боялись. И привозили качественный товар.

– Эти рассуждения не ошибка?

– Нет. Кстати, мою правоту можно проверить. Если я прав, то один или два контейнера они увезут с собой обратно.

– Почему?

– Потому что там была явная туфта. Теперь они побоятся ее мне подсовывать. Теперь они увезут ее к себе.

– А если не увезут?

– Значит, или не было туфты. В чем я сильно сомневаюсь. Или, что более вероятно, это последняя наша с ними сделка. То есть они просто мелкие, с расчетом на одну сделку, аферисты. И значит, мы сможем убедиться в их нечистоплотности. До того, как выйдем на действительно большие обороты.

В любом случае мы не в проигрыше.

Я предпочитаю, пусть даже ценой убытков, заранее узнавать, с кем мне придется иметь дело.

Понял теперь, зачем я поднимал в ружье твоих орлов?

– Теперь понял.

– Ну, значит, сработаемся... Вечером приемщики груза сообщили, что товар принят и оприходован.

– Весь? – уточнил Хозяин.

– Практически весь.

– Что значит «практически»? Весь или не весь?

– Весь. Кроме двух контейнеров. Которые продавцы в последний момент решили не отдавать и забрали с собой обратно.

– А деньги?

– За эти два контейнера они деньги вернули...

Глава 14

Зубанов не сразу понял суть и значение события, случившегося на аэродроме. Вернее, то, что произошло и для чего произошло, понял абсолютно. Хозяин поставил на место своих будущих компаньонов. Заранее поставил, еще до того, как они совершили опьянность.

В этом во всем полковник разобрался. В главном – нет.

О главном он начал догадываться позже. В первый раз на встрече Хозяина с полковником-летуном.

– Вы ознакомились с документами? – спросил новоиспеченный председатель вновь образованной городской административной комиссии вошедшего и по стойке «смирно» присевшего на стул полковника и его в подполковничьем звании оставшегося стоять зама.

– В общих чертах.

– В общих чертах договоры не читают. В договоре каждая запятая важна, – напомнил председатель.

– Я не думаю, что отдельная запятая может что-то изменить в сути договора... Полковник был не прав. И был наивен, как первогодок, в сравнении со старшим прапорщиком. Это только приказы в армии толкуются однозначно и так же и выполняются. В торговом деле все наоборот. Любой договор напоминает дышло. Особенно если он состав-

лен юристами Хозяина, Совсем недавно Зубанов имел возможность наблюдать, как Хозяин разорял одну коммерческую фирму из-за буквально нескольких, не прочитанных ими внимательно, строк в договоре.

Та фирма пошла с молотка. И была вынуждена распродавать свои площади. Которые скупил Хозяин.

Зубанов подозревал, что весь тот договор для того и писался. Не для того, чтобы провести взаимовыгодную совместную торговую операцию. А для того, чтобы один из ее участников обанкротился и распродал принадлежащую ему недвижимость.

Такой поворот был в характере Хозяина. Для этого он сохранил целый штат юристов, аудиторов и консультантов, по три раза обсасывающих каждое слово в каждом заключаемом договоре.

Зубанову было жаль наивного полковника, который судил о договоре по его общему содержанию. Частность важнее общего содержания. Именно с помощью разбросанных по тексту частных, выполняющих роль не видимых на гладкой поверхности текста подводных камней, и топят чужие, груженные богатым товаром корабли. Чтобы перегрузить тот товар из их трюмов в свои.

– И все-таки давайте посмотрим еще раз, – предложил председатель комиссии. – Вместе посмотрим.

Зубанов тоже пододвинулся к столу, потому что числился в комиссии каким-то замом и должен был изображать уча-

ствие в ее работе.

– Договор трехсторонний. Между вашей воинской частью в вашем лице, с одной стороны, городской администрацией в лице главы администрации, с другой стороны, и городским обществом предпринимателей, который возглавляю я, – с третьей.

Полковник и подполковник согласно кивнули.

– Суть договора в оказании помощи городу по обеспечению бюджетных организаций и населения продуктами питания и товарами первой необходимости, осуществляемыми путем задействования части не используемых в боевом дежурстве технических возможностей вашей части. В том числе взлетно-посадочных полос, складских помещений и авиационного и автомобильного парков. В свою очередь администрация обязуется оплачивать предоставляемые вами технические возможности и услуги по договорным ценам, по безналичному расчету с оговоркой, что настоящие деньги должны быть использованы на выплаты зарплат личному составу и служащим аэродрома.

– А третья сторона? – спросил подполковник.

– Третья сторона берет на себя приобретение, доставку и реализацию продуктов и товаров в соответствии с соглашением между обществом предпринимателей и администрацией об оптовом снабжении бюджетных и иных, находящихся в ведении городских властей, организаций. Соответственно общество предпринимателей будет осуществлять расчет

с воинской частью за предоставленные ей услуги... Из чего следует, что лично вам делать почти ничего сверх того, что вы все равно делаете, не придется, — по-простому объяснил председатель комиссии и общества предпринимателей одновременно.

— Что конкретно не придется?

— Ничего, кроме обслуживания взлетно-посадочных полос и авиационного парка. Просто, кроме ваших самолетов, на полосы иногда будут садиться другие самолеты. И возможно, свободные ваши самолеты, если вы изыщете такую, отдельно оплачиваемую, возможность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.